

**Военные
Приключения**

ОПЕРАЦИЯ "ТЕНЬ"

ИВАН ЦАЦУЛИН

Военные приключения

Иван Цацулин

Операция «Тень»

«ВЕЧЕ»

2007

Цацулин И. К.

Операция «Тень» / И. К. Цацулин — «ВЕЧЕ», 2007 — (Военные приключения)

В этом произведении известного автора вы вновь встретитесь с героями давно полюбившегося читателям романа «Атомная крепость». Непримиримые враги СССР разработали операцию «Тень», в которую вовлечены американские спецслужбы и западногерманские реваншисты. Речь идет о новейших вооружениях, способных поставить планету на грань выживания. Но на пути преступников и безумцев встают советские чекисты...

© Цацулин И. К., 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	30
Глава шестая	33
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	44
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	57
Глава двенадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Иван Цацулин

Операция «Тень»

Часть первая

Глава первая

С секретного завода в Брайт-ривер исчез инженер Можайцев. Уильям Прайс узнал об этом из шифровки, полученной им на рассвете, и тотчас приказал своему пилоту готовить самолет.

– Через тридцать минут мы должны быть в воздухе, – сказал он с непонятной пилоту яростью. – Мы полетим в Брайт-ривер и разыщем этого русского инженера, хотя бы черти утащили его в ад. Идите.

Над виллой Прайса на Гудзоне, над обширным, густо заросшим парком метался порывистый, свежий ветер. Серые тени лежали на дорожке – близилось утро. Гейм спешил к самолету, у которого уже возился бортмеханик Финчли, «крепыш Боб».

– Готовься к полету в преисподнюю, – хмуро сказал Гейм.

– А почему такой курс и такая спешка?

Гейм проворчал:

– Исчез какой-то инженер Можайцев.

– Можайцев... исчез? – «крепыш Боб» даже засвистел от удовольствия. – Представляю, как это взбесило старика!

– Перестань болтать, идет Прайс, – шепнул Гейм.

Уильям Прайс не шел, а почти бежал к самолету.

Посадив самолет, капитан Гейм огляделся: нет, он не ошибся – кроме бетонной дорожки аэродрома и караульного помещения, в этой заброшенной долине ничего не было.

Брайт-ривер – блестящая река! Но тут, в горной долине, не было не только реки, а и тощего ручейка. Горные кряжи, серые, безлесные скалы громоздились со всех сторон. Даже при ярком солнце здесь чувствовалась пронзительная свежесть слегка морозного утра, – тайный аэродром «короля урана» находился довольно высоко над уровнем моря.

Но где же все-таки секретный завод? Гейм недоумевал.

Прайс проворно выбрался из кабины самолета.

– Вы отправитесь со мной, капитан, – приказал он летчику.

– Слушаюсь, сэр.

Гейм отдал распоряжения своему бортмеханику и поспешил за Прайсом. И только теперь он увидел скрытый от посторонних взоров маскировочной сетью вертолет.

Навстречу им шел среднего роста пожилой человек в штатском, с седыми, подстриженными щеточкой усами и с трубкой в зубах. При одном взгляде на этого человека летчику стало ясно, что побег из этих мест инженера Можайцева – происшествие действительно из ряда вон выходящее: человек с трубкой в зубах был Аллен Харвуд, один из крупных специалистов разведки.

Вслед за Харвудом шел плечистый мужчина с большим рыхлым лицом, нижнюю часть которого скрывала густая борода.

– Не нашли? – спросил Прайс, здороваясь с Харвудом.

– Пока не удалось обнаружить... Надеюсь, Годдарт сумеет помочь нам. – И Харвуд кивнул в сторону своего спутника.

– Вознаграждение – десять тысяч долларов, – сказал Прайс.

Годдарт молча поклонился.

Подошли к вертолету. По знаку Прайса Гейм тоже занял место в пассажирской кабине. Машина поднялась над аэродромом и, набирая высоту, ущельем пошла на север.

Вокруг вздымались горы, пересеченные во всех направлениях пропастями с голыми каменными ребрами, отполированными дождями и ветрами столетий.

Гейм размышлял: «Кто же он, этот русский инженер, и куда он мог деться тут, среди будто псами обглоданных скал?»

Через несколько минут вертолет приземлился на крошечной площадке, недалеко от которой на склоне холма виднелись строения.

– Идите за мной, – приказал Прайс.

Поднялись на холм и, предводительствуемые Годдартом, который, казалось, знал здесь все и всех, торопливо прошли ряд помещений, у дверей которых стояли часовые. В обширных светлых комнатах располагались неизвестные Гейму приборы, кое-где люди трудились над чертежными досками. Потом прошли в длинное каменное строение, которое, как догадался Гейм, представляло собой небольшой экспериментальный завод.

Годдарт привел Прайса и Харвуда в скромно обставленный кабинет, в котором рядом с письменным столом стоял нестораемый шкаф.

– Здесь рабочее место инженера Можайцева, – пояснил Годдарт.

Прайс быстро подошел к сейфу.

– Бумаги... Покажите мне его бумаги! – отрывисто приказал он.

В следующее же мгновение он со стоном застыл на месте: внутри шкафа на стальных полках лежали груды серого пепла.

– Копии... Где копии документов? – прошептал Прайс.

Годдарт уныло ответил:

– В целях особой секретности инженер Можайцев не делал копий. Он ссылался на ваше распоряжение.

Прайс захрипел и схватился за грудь.

Летчик взял старика под руку и помог ему добраться до кресла. Харвуд сохранял спокойствие.

– Пригласите сюда инженера Шольца, – приказал он Годдарту.

Годдарт вышел. Прайс произнес почему-то шепотом:

– Аллен, вы думаете, что Шольц знает, что случилось с главным конструктором и кто уничтожил его чертежи, расчеты?..

Харвуд пожал плечами.

– Они были большими друзьями... К тому же Шольц – ближайший помощник инженера Можайцева.

Летчику показалось, что Харвуд чего-то недоговаривает.

Можайцев... Инженер... Нет, сколько Гейм ни ломал голову – эта фамилия ничего ему не говорила.

Летчик отошел к окну. Утреннее, по-весеннему мягкое солнце золотило чахлые газоны во дворе. На изорванном каменными пиками горизонте синели далекие, застывшие на месте облака.

Прайс тихо произнес:

– Может быть, он упал в пропасть и разбился?

Но Харвуд, кажется, не хотел оставлять ему никакой надежды.

– Мы уже осмотрели все вокруг, исследовали каждый дюйм... К тому же... – Харвуд показал на сейф.

Стараясь говорить спокойнее, Прайс сказал:

– Нельзя ли предположить, что Можайцева похитили, а затем уничтожили результаты его труда?

– Не думаю. – Харвуд принялся раскуривать свою трубку. – Не думаю, – повторил он. – В этом деле есть одна деталь, о которой я сообщу вам позднее.

Прайс неожиданно вскочил на ноги.

– Черт вас побери, Харвуд, с вашими деталями! – крикнул он, задыхаясь. – Можете ли вы сказать мне, где сейчас находится Можайцев?

– Предположительно – неподалеку отсюда, в Канаде... Ведь от завода в Брайт-ривер до канадской границы рукой подать.

Гейму казалось, что вот сейчас «короля урана» хватит удар – его лицо посинело, глаза потухли...

– Вы в своем уме, Аллен?

– Вполне. Почему бы не предположить, например, что Можайцев бежал с вашего завода, предварительно уничтожив материалы, над которыми он работал по контракту с вами?

– Бежал? Зачем?

– Предположительно, – Харвуд усмехнулся, – для того, чтобы передать свое изобретение русским... Он же как-никак – русский, хоть и живет у нас.

– Если эта ваша версия верна... О боже, вы же знаете, что это должно значить для нас с вами, Аллен, – растерянно произнес Прайс.

– Успокойтесь, мистер Прайс, – в голосе Харвуда послышалось сочувствие, – я принял все меры. Ручаюсь, скоро вы получите разъяснения от него самого.

В дверь постучали. В сопровождении Годдарта вошел Шольц. Как отметил про себя Гейм, все в этом человеке было среднее: рост, возраст, румянец на округлых щеках. Он был похож не на ученого, а скорее на торговца из отнюдь не первоклассного универсального магазина.

Прайс молча рассматривал немца.

– Как вы объясняете исчезновение инженера Можайцева? – спросил он наконец.

Шольц заговорил. Никакого объяснения случившемуся он не находил и терялся в догадках. Слухи о его дружбе с русским преувеличены. Так, хотя он и являлся ближайшим помощником главного конструктора Можайцева, все же в деталях он с его изобретением незнаком: Можайцев не хотел посвящать в тайну своего изобретения кого бы то ни было и при этом ссылался на особую инструкцию по сохранению секретности, подписанную Прайсом и Харвудом. Отвечая на вопрос насчет самочувствия Можайцева на протяжении последних месяцев, Шольц сообщил, что пристрастие к алкоголю тот сумел в себе преодолеть, запоями уже не страдал, но внутренне был весьма угнетен, иногда жаловался на неудачно сложившуюся личную жизнь, говорил, что своим отношением к жене заставил ее уйти, порвать с ним.

– Он знал что-нибудь о судьбе его бывшей жены? – быстро спросил Харвуд.

– Нет, ничего не знал. – Генрих Шольц поднял на разведчика свои детски чистые, голубые глаза наивного человека.

Из дальнейшего его сообщения стало известно, что особенно Можайцев переменялся с прошлой осени, после того как из пансионата близ Вашингтона был похищен его ребенок, мальчик, которого он очень любил и когда-то не отдал жене.

Прайс отрывисто спросил:

– Он не имел денег, чтобы выкупить ребенка?

Шольц деликатно заметил:

– Ребенок Можайцева исчез бесследно... Выкупа никто не потребовал.

Прайс удивленно поднял брови.

– Я ничего об этом не знал, – пробормотал он и посмотрел на Годдарта. – Вы должны были сообщить мне.

Годдарт промолчал. Харвуд сделал вид, что он не слышал того, о чем только что рассказал немец.

Шольц выразил беспокойство по поводу того, что теперь, после непонятного исчезновения главного конструктора, Прайс может задержать его отъезд в отпуск, а он, Шольц, устал, хотел бы побывать у родных на Рейне, жениться на девушке, что снится ему по ночам, и затем, уже с молодой супругой, вернуться в Брайт-ривер. Харвуд прервал инженера.

– Я уверен, что Можайцев заблудился в горах, скоро мы его найдем, – сказал он спокойным тоном. – И вам нет никакой необходимости терять время из-за нелепого происшествия с вашим начальником.

Прайс проворчал:

– Постарайтесь не задерживаться там... Я приготовлю свадебный подарок для вашей жены, герр Шольц.

Поблагодарив, немец ушел. Как-то странно усмехнувшись, Харвуд сказал:

– Герр Шольц завтра выедет в Западную Германию, чтобы узами брака соединиться с той, которую ему присмотрели родственники.

Прайс сердито заметил:

– Этот парень забыл наше условие – не переписываться с родственниками. Надеюсь, в его письмах ничего не было о работе? – И он вопросительно посмотрел на разведчика.

Харвуд ответил:

– Единственным человеком, которому Шольц как-то послал письмо, является некий Бодо Крюгер. В письме Шольц называл его дядей.

– Что вы узнали об этом человеке? – спросил Прайс с тревогой.

– Крюгер такой же дядя Шольцу, как мне дедушка. – Харвуд принялся не спеша выколачивать из трубки пепел.

Прайс задумался. Потом обернулся к Гейму:

– Готовьтесь к перелету через океан... Что-нибудь через недельку. Вы доставите мне оттуда инженера Можайцева, его поймает Годдарт. – Прайс вопросительно взглянул на Харвуда, тот кивнул.

– Слушаюсь, сэр. – Гейм пытался понять, зачем он должен лететь в Европу, если Можайцев находится в Канаде, как только что сказал Харвуд. Гейм старался уяснить себе, почему при Шольце Харвуд говорил об исчезновении Можайцева совсем иное, чем перед его появлением в кабинете. И почему Харвуд и Годдарт так странно держали себя, когда зашла речь о похищении ребенка у русского инженера? И куда же в самом деле исчез инженер Можайцев?

Прайс поднялся с места.

– Годдарт, этого русского вы доставите мне живым или мертвым, – резко и зло произнес он. – Если Можайцев удержит в Россию, вы заплатите за это своей головой. – И он направился к выходу.

Аллен Харвуд предпочитал иметь свидания с Прайсом на уединенной вилле «короля урана», расположенной на берегу реки Гудзон. Тут, в Прайскхилле, можно было не особенно опасаться нежелательных встреч с пронырливыми репортерами.

После инцидента на заводе в Брайт-ривер прошло три недели. Все это время Гейм со дня на день ждал приказа принять на борт самолета Годдарта и вылететь в Европу, но приказа не поступало. Это могло означать, по-видимому, лишь одно – Харвуду не удалось пока напасть на след инженера Можайцева. Гейм и Финчли много думали об этом русском. Летчики давно поняли, что Прайс – человек страшный, что дела, которыми занимаются в его лабораториях, направлены на создание орудий массового уничтожения. С помощью все более

совершенных средств ведения войны Прайс надеялся диктовать своего волю всему миру. В его замыслы Гейм и Финчли давно проникли. Симпатии летчиков были на стороне инженера Можайцева, таинственно исчезнувшего с завода. Не важно – как, при каких обстоятельствах, с чьей помощью сбежал он из Брайт-ривер, главное – он не захотел отдать Прайсу свое изобретение. Вот почему каждый прошедший день вселял в них надежду на то, что Центральное разведывательное управление не сумело напасть на след Можайцева. И вот – увы! – Харвуд прилетел в Прайсхилл.

Гейм, встречавший разведчика на аэродроме, пытливо всматривался в его лицо. Харвуд, видимо, заметил это, но объяснил по-своему.

– Готовьте самолет, капитан, – сказал он с довольным видом. – Завтра утром вы с Годдартом отправитесь в Европу.

– Куда именно, сэр?

– В Норвегию. К утру Годдарт будет здесь.

Харвуд уединился с Прайсом, а летчики отправились в ангар, невеселые, встревоженные. Кроме них, в ангаре никого не было. Разговор начал Боб Финчли – ему не терпелось проникнуть в тайну изобретения инженера Можайцева, которому придавали столь большое значение и старик Прайс и разведка.

– Понять не могу – в чем тут дело? – ворчал он. – Неужели Можайцев работал над проектом космического корабля? Может, Прайс оттого и бесится?

– Вряд ли... – Гейм с сомнением покачал головой. – Оборудование, которое я видел в Брайт-ривер, рассчитано на что-то иное.

– Но ты ведь читал заметку в «Нью-Йорк таймсе» об интересе Прайса к межпланетным полетам?

Гейм недоверчиво заметил:

– Все это камуфляж...

Пока летчики переживали из-за неизвестного им инженера, Аллен Харвуд беседовал с Прайсом.

Глава концерна «Интернешнл уран» неподвижно сидел в кресле, устремив на собеседника тяжелый взгляд. Прайса мало утешило сообщение Харвуда о том, что Можайцев выслежен. Пока инженер не в его руках – радоваться рано.

Харвуд напомнил Прайсу об обещании рассказать ему кое-что о деталях, имеющих отношение к бегству Можайцева из Брайт-ривер.

Прайс заметил:

– Я никогда не лез в ваши секреты, Аллен, но должен признаться, во всей этой истории кое-чего не понимаю... Итак, о деталях. Что же вы тогда нашли в Брайт-ривер?

– Портативную рацию в спальне Можайцева.

Против обыкновения, Прайс оставался спокойным.

– Еще что? – спросил он.

– Нам удалось обнаружить место приземления неизвестного самолета в одной из горных долин, на расстоянии примерно двенадцати миль от завода.

– Ваших людей надо судить! – яростно вскричал Прайс. – Я поручил им глаз не спускать с инженера Можайцева, а он, оказывается, спокойно договаривался с кем-то по радио и наконец сбежал! Я уверен: во всей этой затее с побегом у Можайцева был сообщник... Кто он?

– Генрих Шольц, больше некому.

Некоторое время Прайс молчал. Затем, немного успокоившись, сказал:

– Я, кажется, понимаю ход ваших мыслей, Аллен... Значит, это дело рук Шольца.

– По-моему, Шольц тут лишь исполнитель, – заметил Харвуд.

– Стало быть, русским удалось проникнуть в мои замыслы и установить контакт с Можайцевым...

Харвуд пожал плечами.

– Кто стоит за Шольцем, я еще должен выяснить.

После короткого размышления Прайс снова заговорил:

– Теперь я не сомневаюсь – Можайцев сам сжег документы, чертежи, предварительно сделав с них фотоснимки, не мог же он захватить с собой груды бумаг. – Прайс нервно забежал по кабинету. – Эти документы при любых обстоятельствах должны быть у меня. Вы, Аллен, плохо знаете, что такое установки инженера Можайцева.

Харвуд молчал.

– Тот, у кого будут установки Можайцева, – продолжал Прайс, – окажется хозяином неба.

Харвуд с интересом спросил:

– А советские искусственные спутники Земли, а ракеты с людьми, которые большевики запускают в космос, а полеты на Луну, научные исследования?

– О, русским будет не до того! Изобретение Можайцева позволит мне уничтожить все, что бы Советы ни попытались послать за пределы земной атмосферы. – После короткой паузы старик глухо сказал: – Но ни Можайцева, ни его материалов у меня нет, и удастся ли вам, Аллен, схватить этого негодяя, – неизвестно.

– Не сомневаюсь в успехе, – успокоил Харвуд. – Мои люди уже рядом с Можайцевым. Дня через два мы опять водворим его в Брайт-ривер.

Прайс с облегчением вздохнул:

– Дай бог. – И, уже провожая Харвуда к дверям, спросил: – Кстати, что это за субъект – Бодо Крюгер?

– Коммерсант. В прошлом – нацистский офицер, – Харвуд вынул из бокового кармана фотокарточку размером с почтовую открытку: – Вот он.

Со снимка смотрел худой, длиннолицый человек в черном эсэсовском мундире. На рукаве эмблема: кости и череп. Под чрезмерно высокой тульей фуражки виднелись глаза – наглые, навывкате.

Глава вторая

Весна только начиналась, но снег уже успел сойти, и лишь на вершинах гор блестел под солнцем белыми пятнами да кое-где темнел слежавшимися пластами на самом дне ущелий, в тени.

Разноцветные бревенчатые домики норвежцев выглядывали из-за вечнозеленых елей...

Солнце шло сюда со стороны Швеции. Величавое, спокойно-золотистое, оно плыло над холмами и равнинами и по вечерам опускалось в море на западе. С запада, от берегов Англии и Шотландии, бежали сюда невысокие волны Северного моря – глубоко-синие, кое-где будто подкрашенные киноварью.

Эрика Келлер любила эти места. Тут всегда тишина, и в одинокой горной гостинице, расположенной в глубине бухты, можно без помех работать над новой книгой о судьбах ее родной Германии. Эта тема волновала молодую писательницу.

В то утро в гостиницу неожиданно нагрянул Герман Гросс, инженер, имя которого частенько упоминалось в газетах Западной Германии то как одного из крупнейших специалистов-строителей, то так «переметнувшегося на сторону красных», «друга коммунистов», противника вооружения нового вермахта атомным оружием. Эрику и Гросса связывала испытанная дружба и, пожалуй, нечто большее, в чем они не хотели себе признаться.

После завтрака они отправились на прогулку, потом забрели на ферму Петера Андерсена, где выпили парного молока, затем спустились к берегу бухты, пересекли широкую пешеходную тропу, идущую от гостиницы и, прыгая с камня на камень, пробрались на крошечный островок. Там у Эрики был свой любимый уголок.

Гросс привез неутешительные вести – реваншисты упорно продолжают толкать страну на гибельный путь. Концерн военного преступника Круппа начинает строить мощный подводный флот. В ФРГ приступают к постройке военных судов с ракетными установками. Завод известного гитлеровского авиаконструктора Мессершмитта в Мюнхене-Риеме уже полным ходом выпускает реактивные истребители и приступил к строительству бомбардировщиков, способных нести атомную бомбу. Фабриканты смерти вновь, как и во времена Гитлера, получили крупные военные заказы, но теперь они готовятся производить и ядерное оружие, несущее уничтожение самой Западной Германии. Страшно подумать: люди, толкнувшие немцев на две истребительные войны, причинившие им много горя, погубившие миллионы немецких жизней, приведшие страну к позору и оккупации, – с упорством и яростью маньяков стремятся ныне к возврату прошлого.

– Я утомил тебя плохими известиями, – грустно улыбнулся Гросс.

Девушка не ответила, смотрела в море.

– Ты чем-то озабочена? – с участием спросил Гросс.

– Да, – она зябко передернула плечами.

– Так расскажи мне.

– Хорошо... Мне надо собраться с мыслями... Я не знаю, что наиболее важно в этой истории...

Пенный бурунчик стремительно катился с юга наперерез волнам. Потом бурунчик исчез, и у самого его основания появился какой-то крошечный и почти незаметный предмет. Сомнений не было: над поверхностью моря возвышался перископ подводной лодки. Она поняла – с подлодки вели наблюдение за побережьем.

Гросс произнес раздраженно:

– Наверное, проводят очередные учения... Кораблям НАТО очень уж нравятся норвежские воды.

Девушка снова стала смотреть в сторону горной гостиницы, неподалеку от которой волны тихо плескались о каменный берег бухты. Оттуда шла сюда, на север, тропинка, сейчас безлюдная.

– Я слушаю тебя, Эрика, – озабоченно шепнул Гросс: подлодка потеряла интерес для него.

И Эрика Келлер стала рассказывать...

Он появился рано утром, и никто толком не мог понять – откуда. Автобусы с юга в это время суток не проходили мимо, а с севера они вообще курсировали другой дорогой, через долину, там, за горным хребтом. Администрации гостиницы он назвался Перси Паркером, сказал, что пишет в английских газетах и возвращается из поездки на норвежский Север, в Финмаркен. Паркер сказал, что ему нужен покой, он должен основательно отдохнуть.

Покая в этом уединенном уголке было сколько угодно.

Англичанин почему-то избегал прогулок и почти все время проводил в своей комнате. Лишь к обеду он появлялся в общем зале и молча занимал место за столом, как раз напротив Эрики Келлер и ее соседа – Бодо Крюгера.

Паркеру можно было дать не больше сорока лет, росту он несколько выше среднего, – на продолговатом бритом лице залегли жесткие складки, в серых глазах, за стеклами очков в золотой оправе Эрика видела выражение отрешенности, тоски и непонятного ей гнева.

Было в Паркере нечто такое, что заставляло ее внимательно к нему присматриваться. Возможно, сначала на нее подействовала перемена в поведении соседа по столу – доктора Крюгера. Она отлично помнила, как странно до появления англичанина держал себя Бодо Крюгер, поселившийся в гостинице почти в одно время с ней: он выходил к прибытию каждого автобуса, с какой-то непонятной настойчивостью приглядывался к людям. Казалось, он с нетерпением ожидал или разыскивал кого-то, кто упорно не появлялся. От пристального внимания Крюгера не ушел и Перси Паркер, но и он, кажется, не принес ему ничего нового. Крюгер терял терпение, нервничал, много курил. Сколько времени так продолжалось бы – неизвестно... Но однажды после завтрака Паркер, уже успевший познакомиться с Эрикой, отозвал ее в сторону.

– Фрейлейн Келлер, – сказал он на чистом немецком языке, – мне не хотелось бы, чтобы вы пострадали, и я решил предостеречь вас...

Эрика с недоумением вскинула брови.

– Сейчас вы все поймете, – продолжал англичанин. – Мне доводилось читать ваши статьи, книги, и, стало быть, я знаю вас, ваши убеждения...

– Я и не скрываю моих убеждений, – холодно заметила Эрика, не понимая, чего, собственно, хочет от нее Паркер.

Англичанин скупно улыбнулся.

– Это делает вам честь. Однако можно не сомневаться, что за вами установлена слежка даже здесь. Мне хотелось, чтобы вы об этом знали.

– Слежка? За мной? Здесь? – Эрика искренне удивилась.

Паркер тихо рассмеялся.

– Не верите? Хотите убедиться? Пожалуйста. – И он положил ей в руку пачку микроскопических фото. – Вот снимки с документов, которыми вы пользуетесь при работе над вашей книгой. Очевидно, против вас замышляется провокация.

– Кто же сделал это? – она растерялась от неожиданности.

Вместо ответа Паркер показал ей в окно – на улице, возле автобуса вертелся Бодо Крюгер.

– Он?

Паркер утвердительно кивнул.

– Но каким образом?... – начала было Эрика.

Паркер перебил ее:

– Очень просто – я заметил, как он орудовал в вашей комнате, и мне пришло в голову лишить его трофеев. Только и всего.

А вскоре произошло событие, совсем сбившее Эрику с толку.

Началось с того, что ни к обеду, ни к ужину Паркер не вышел. Потом девушка видела, как в его комнату прошел доктор. Эрика заметила, как Бодо Крюгер шептался с врачом.

По-видимому, Крюгеру удалось-таки проникнуть к англичанину, а может быть, он сумел что-то выведать у хозяина гостиницы, – как бы то ни было, поздно вечером немец заказал разговор с небольшим городком на Рейне. Эрику в тот день не оставляла тревога, ей начинало казаться, что Крюгер следит не столько за ней, сколько за Паркером. Вот почему она сочла нужным проследить за своим соотечественником.

– Герр Шольц, – заговорил Крюгер, – я нашел его... Да, да, он прибыл сюда под видом английского журналиста. Приехал из Финмаркена... Ха-ха... Без сознания... – И Крюгер перешел на шепот.

Итак, беспомощному сейчас Паркеру угрожала какая-то опасность, – так по крайней мере казалось Эрике Келлер. И она решительно направилась в комнату англичанина, где дежурила медсестра. Паркеру стало лучше, он уже пришел в себя и выразил девушке искреннюю признательность за ее ночной визит. Ей не терпелось как-то сообщить ему о своих подозрениях, и как только медсестра отлучилась, она тотчас передала ему телефонный разговор Крюгера. Однако, к удивлению Эрики, ее сообщение ничуть не напугало Паркера, наоборот, он заметно повеселел.

– Наконец-то, – с облегчением произнес он. – Так это, значит, мой друг Генрих Шольц послал сюда Крюгера для встречи со мной... Не беспокойтесь, дорогая фрейлейн, мне ничто не угрожает... – Он был еще слаб, и ему нельзя было много говорить.

Она покинула его в недоумении. Кто же этот его друг Шольц, если своим доверенным он направил сюда Бодо Крюгера, человека, явно связанного с тайной полицией? Как мог Паркер забыть об этом?

Ни на следующий день, ни позже ничего не произошло. Только англичанин стал держаться, пожалуй, еще более замкнуто, а Крюгер теперь буквально не спускал с него глаз и всюду следовал за ним по пятам. Должно быть, он его охранял. Так прошло около двух недель. Эрика видела, как изо дня в день менялось настроение Паркера: первые несколько дней после той ночи он оставался спокойным, – наверное, был уверен, что вот-вот явится Шольц. Но тот не появлялся, и Паркер начал проявлять беспокойство, стал задумчивым и наконец перестал даже к обеду выходить в общий зал.

Англичанин продолжал представлять загадку для Эрики; подсознательно она чувствовала, что с ним творится неладное, и чего-то ждала.

И вот это случилось... Два дня назад произошел новый сильнейший приступ. Паркер опять потерял сознание. Врача дома не оказалось. Крюгер всполошился и куда-то исчез. На правах знакомой Эрика направилась к больному. Паркер находился совершенно один. Он страшно изменился, побледнел от боли и лежал молча, стиснув зубы. Но вскоре он заговорил в бреду, вернее, он что-то шептал тихо-тихо, «про себя». Эрика никак не могла понять произносимых им слов. Английским языком она владела недурно, но Паркер даже в бреду говорил почему-то не на своем родном, а на каком-то неизвестном ей языке. Прислушавшись, девушка уловила отдельные слова и тогда поняла: он говорил по-русски. Задышавшись, Паркер выкрикнул: «Нет, нет, я не отдам вам... Лучше смерть!.. Установки... Родине, только Родине... и жизнь мою...» И через минуту: «Жена... Сын... Куда вы дели моего сына?» Эрика слышала эти слова, но, к сожалению, не знала, что они значат. Паркер заметался, мучительно застонал. И как раз в это время кто-то рывком открыл дверь комнаты. Эрика оглянулась: на пороге стоял молодой человек с обветренным лицом, коренастый, закутанный в легкий дорожный плащ. На

минуту девушка встретила взглядом с его мутно-серыми глазами. Несомненно парень слышал выкрики больного.

– Что вам тут нужно? – спросила Эрика, загоразивая собой Паркера.

Как бы не замечая ее, парень, ничего не ответив, поспешил прочь.

Она видела его днем возле гостиницы и приняла за американца.

Больной очнулся не скоро. Увидев возле себя Эрику, он радостно оживился и пожал ей руки.

– Что с вами? – спросила она.

Глухим голосом человека, еще не вполне вернувшегося из небытия, он сказал:

– Я очень болен... там и альпинист сломал бы себе шею... Двенадцать километров до самолета оказались Дантовой дорогой в ад...

Девушка ничего не поняла.

– Вам надо всерьез приниматься за лечение.

Англичанин молчал. Закрыв глаза, о чем-то сосредоточенно думал. Потом тихо спросил:

– Я что-нибудь болтал в бреду?

– Да, но я не знаю языка, на котором вы говорили, мистер Паркер.

Он опять о чем-то напряженно размышлял.

– Вам не следует так много думать, мистер Паркер, – произнесла она шутливо. Он поднял на нее глаза:

– Всю мою жизнь я слишком мало думал. К счастью, это позади.

Эрика не хотела иметь дело с загадками, она поднялась с места, чтобы уйти, но больной жестом остановил ее. Казалось, он понимал ее состояние.

– Фрейлейн Келлер, – заговорил он тихо. – Я не Паркер. Я – русский... пробираюсь к себе на родину...

– Пробираетесь? – с удивлением переспросила Эрика. – А почему вам не обратиться в советское посольство в Осло и спокойно ехать в Советский Союз. Зачем вы здесь?

Он пробормотал:

– Обратиться в посольство... Может быть...

– Хотите, я помогу вам, вызову сюда советского консула?

– Нет, нет, пусть это вас не беспокоит. Я жду моего друга. Он должен быть с минуты на минуту.

Когда она уходила, в дверях столкнулась с Крюгером – тот спешил к странному русскому.

Все это происходило рано утром, а днем, совсем недавно, у подъезда гостиницы остановился черный лимузин – приехал-таки Генрих Шольц.

Гросс внимательно слушал рассказ Эрики.

– Генрих Шольц... – повторил он, – где-то я уже слышал это имя. Но где и что?

Неожиданно Эрика порывистым движением схватила его за руку:

– Смотри, это же русский и его друг Шольц. Они идут сюда...

От гостиницы по тропинке вдоль берега бухты действительно шли двое мужчин. Неожиданно Гросс посмотрел вправо и тотчас вскочил на ноги: на взморье за мысом быстро всплыла подводная лодка, та самая, перископ которой они с Эрикой недавно заметили.

Крюгер оставил пачку советских газет. Можайцев просматривал статьи, корреспонденции с мест – черные строчки текста рассказывали о жизни там, на родине, к которой он стремился, на родине – такой близкой и все еще далекой. Можайцев ладонями с силой сжал виски: он был в отчаянии. Существование за океаном, долгие годы работы, которую он выполнял, не всегда понимая, для чего и кому эта работа нужна, – затем уединенное, поднадзорное пребывание в Брайт-ривер, все это отнюдь не способствовало развитию в нем самостоятельности и уверенности, в которых он сейчас весьма нуждался. После долгих лет такой жизни Можайцев

словно очнулся от кошмара: мир был ослепительно хорош, но полон опасностей. Где-то вокруг шныряли люди Прайса и Харвуда, но где и кто они и как их можно провести, чтобы благополучно вернуться на родину, – этого он не знал, во всем этом отлично разбирался только Генрих Шольц. Однако Шольц, как назло, не появлялся.

Снова – в который уже раз за эти дни! – вставала перед Можайцевым его жизнь на чужбине... Его отец работал на одном из заводов в Москве, слыл талантливым инженером. Его ценили как специалиста и жалели как человека, уж очень был он замкнут, нелюдим. Но что ж поделать – таков характер. И никому в голову не приходило, что человека гложет обида, обида за блага, которые революция отняла еще у его деда и которые, не будь революции, по наследству перешли бы к нему. Держался особняком, тайлся и все чего-то смутно ждал. Война застала его с женой и маленьким сыном Вадимом неподалеку от нашей западной границы – проводил отпуск у родственников. Эвакуироваться не успел, да и не очень старался, жадно хотел посмотреть и прикинуть, чего ему можно ожидать от немцев, на что рассчитывать. Скоро понял – и рассчитывать не на что, и связываться с ними он не будет, помогать им грабить и убивать своих же русских людей он не станет, не такой. В услужение к оккупантам не пошел, но и от партизан хоронился. Запил. Специальность скрывал. Устроился счетоводом. Прикинулся хворым. Так и жил под немцами почти всю войну. В конце сорок четвертого сунули его с женой и парнишкой в вагон для скота и как скот погнали в Германию. Где-то за Рейном бросили Можайцевых в концлагерь: голод, холод, избиения... Но весной сорок пятого появились американцы. Заключенных концлагеря стали сортировать по одним янки понятным признакам. Можайцев решил: от друзей-союзников таиться незачем и раскрылся перец американским офицером, как у попа на исповеди. Его быстренько перебросили в лагерь для перемещенных лиц, но на самый короткий срок. Узнав, что он опытный специалист, а советскую власть считает для себя чужой и враждебной, – его посадили на корабль и переправили за океан.

Америка – предел затаенных мечтаний, – вот она! Каждый в ней может быть президентом, банкиром. Неожиданно – и весьма скоро! – эта сказочная Америка куда-то исчезла, вроде ее никогда и не было, и инженер Можайцев почувствовал себя то ли в пустыне, то ли в джунглях: у него не было ни денег, ни работы, ни друзей, никакой поддержки, и до него никому не было никакого дела; у него же не было капитала, он всего-навсего нищий, да к тому же беглец из родной страны, изгой. Здесь каждый норовил выжать из него побольше и уплатить ему поменьше. И не к кому было обратиться за помощью и некому жаловаться... Вот когда обиды и разочарование завладели старшим Можайцевым полностью! – горю конца не виделось. Жена в той жизни протянула недолго. Можайцев все помыслы свел к одному: дать образование сыну Вадиму, «поставить на ноги» и воспитать в ненависти к советской власти, которую он винил во всех постигших его несчастьях. Старика наконец задушила желчь. Впрочем, и пил он много.

Вадим получил диплом инженера, в этом он пошел по стопам отца. Моральное состояние семьи, образ жизни отца, неосознанные горе и обида неизвестно на кого и за что – рано отравили Вадима, он тоже стал пить, и все больше. Жизнь его пошла кувырком. Но как ни поносил отец советскую власть – ненависти к родине Вадим Можайцев в себе не чувствовал. Ни ненависти, ни любви – ничего. Так продолжалось годы, до переезда в Брайт-ривер, до похищения ребенка, до душевных бесед с Шольцем. И однажды – он и сам не мог бы сказать, когда именно, – понял, что и у него есть своя подлинная родина. Тогда он решил бежать от Прайса, захватив с собой свои материалы, над которыми трудился в течение последних нескольких лет, – не хотел являться на родину как блудный сын. Вот они – материалы, в этом большом портфеле из желтой кожи.

Он, конечно, не герой, но в Россию вернется, и не с пустыми руками, чтобы там знали о делах Прайса.

Очнувшись от волновавших его дум, Можайцев поднял голову – на пороге стоял Шольц.

При виде друга Можайцев преобразился. Нездоровье и апатия, которым он был подвержен в течение своего пребывания в горной гостинице, были забыты. Он быстро двигался по номеру, собирая вещи, – надо было немедленно отправляться в Осло, а оттуда на родину. Минута, когда он вступит на советскую землю, казалось ему, стала близкой.

– Ты вряд ли можешь представить себе, Генрих, как глубоко я благодарен тебе за все, за все... Если бы не ты, я опустился бы и погиб там, на Брайт-ривер... Ты вдохнул в меня веру в возможность вернуться к моему народу...

Генрих Шольц, довольный, посмеивался.

– Я хотел, чтобы талантливый инженер Вадим Можайцев работал не на Прайса, а для своей родины, – говорил он. – Твои установки нужны человечеству, однако если бы я не убедил тебя в том, что они необходимы русским, ты ведь никогда не завершил бы свою работу, как бы Прайс ни бесился. Разве не так?

– Конечно, так.

– Вот видишь! Мне просто было противно смотреть, как Прайс обкрадывает твой мозг. Американцы без конца кичатся своими атомными и водородными бомбами, но эти бомбы, как ты знаешь, были в основном сделаны не американцами. Канадец Демпстер, итальянец Ферми, немцы Эйнштейн, Ган, Штрассман, датчанин Нильс Бор, венгры Вигнер, Сциллард и Теддер... Над созданием космических ракет для американских ВВС трудится мой соотечественник фон Браун, главный конструктор гитлеровских «фау»... Я решил не допустить, чтобы список гениальных ученых – да, да, ты, Вадим, – гений в технике, поверь мне... Так вот, говорю, я решил не допустить тебя до участи бессовестно ограбленного, а потом – кто знает? – может быть, и уничтоженного Прайсом.

Можайцев с чувством пожал Шольцу руку. Шольц посмотрел на часы.

– Я предложил бы немного прогуляться, – сказал он. – Полагаю, свежий воздух тебе не повредит?

– Конечно, нет.

– В таком случае пройдемся. Здесь в этом помещении я чувствую себя что-то неуютно.

– Хорошо, идем. – Можайцев уже надевал пальто.

– А портфель? Где же твой портфель с материалами? Его нельзя оставлять тут.

– Не беспокойся, я не расстаюсь с ним.

С моря дул по-весеннему свежий ветер. Можайцев зябко поежился. Пошли по тропинке вдоль бухты. Вокруг не было ни души. Тишина нарушалась лишь писком чаек над морем.

Можайцев сказал:

– Ты что-то хотел сказать мне? Слушаю тебя.

– Годдарт здесь.

– Что-о? Откуда тебе это известно? Ты видел его?

Шольц улыбнулся неопытности приятеля.

– Ты не спросил меня, дорогой герр Можайцев, почему я задержался, так долго не приезжал к тебе, – сказал он шутливо и в то же время с укоризной, – теперь можешь не спрашивать, сам скажу... Харвуд установил за мной слежку. Впрочем, я это предвидел еще до отъезда из Брайт-ривер. Они следили за каждым моим шагом, особенно после того, как Бодо Крюгер сообщил мне, что ты благополучно добрался сюда. Тогда по телефону Крюгер не сказал точно, где именно ты находишься... Но Харвуд отлично знал, что рано или поздно я опять брошусь выручать тебя. Понимаешь, в каком положении я очутился?

Можайцев внимательно слушал. В его глазах, скрытых за большими стеклами очков в золотой оправе, появилось выражение неистового гнева затравленного человека.

– Ты зря не приезжал, – произнес он сквозь зубы, – мне теперь не страшны ни Харвуд, ни наш тюремщик из Брайт-ривер – Годдарт.

Шольц пристально посмотрел на товарища.

– Не теряй чувства осторожности, – заметил он. – Остались считанные дни, и ты будешь в России. А до того будь начеку. Годдарт – один из опытейших разведчиков Харвуда. К тебе его приставили не случайно: Годдарт отлично знает Советский Союз и не хуже тебя, абсолютно без акцента говорит по-русски.

Можайцев был искренне изумлен. Деловым тоном Шольц продолжал:

– Все годы прошлой войны Годдарт провел на советской территории.

– Что он там делал?

Шольц как-то странно ухмыльнулся.

– Сотрудничал с гестапо, выдавая себя то за немца, то за поляка, а при случае превращался в русского партизана.

– Понимаю... – медленно произнес Можайцев, сжимая кулаки.

Шольц продолжал:

– Я должен был соблюдать крайнюю осторожность – пояись тут Годдарт до меня, он мог бы просто пристрелить тебя.

– Если этот негодяй попадется мне – я задушу его, – глухо сказал Можайцев, – рассчитаюсь сполна за все.

– Ты имеешь в виду похищение твоего сына? – осторожно осведомился немец.

– Да. Удивительно – как это я раньше не понял, что и это преступление – дело рук Харвуда и Годдарта... Таким путем они хотели держать меня в повиновении.

– Н-не знаю... – неопределенно пожал плечами Шольц.

Можайцев повернул обратно. Шольц с решительным видом встал на его пути.

– Ты с ума сошел?

– Я вернусь в гостиницу и позвоню в советское консульство в Осло. Мне надоело прятаться.

– В гостиницу тебе возвращаться нельзя. Вот-вот появится Годдарт и, конечно, не один... Они схватят тебя, посадят в самолет и водворят в Брайт-ривер.

Можайцев продолжал молча идти. Шольц рассвирепел.

– Стой, черт тебя возьми! Они обвинят тебя в убийстве американского гражданина и посадят на электрический стул.

Можайцев остановился.

– Какого американского гражданина? – спросил он с выражением крайнего изумления.

– Того самого, которого к тебе подослал Харвуд. Час назад Крюгер пристукнул парня, и теперь он лежит у себя в номере... Годдарт свалил убийство этого краснорожего субъекта на тебя, и тогда тебе крышка. Идем же, идем скорее, – почти закричал Шольц, увлекая за собой инженера.

Можайцев больше не сопротивлялся. Для того чтобы разобраться в создавшейся ситуации, требовалось время, то есть то, чего у него сейчас как раз и не было.

Тропинка уходила направо, в обход прибрежных скал, – гостиницы теперь не было видно. Впереди, на самой оконечности мыса, Можайцев заметил Крюгера.

– Зачем нужно было обязательно убивать его? – спросил Можайцев, имея в виду человека Годдарта.

– Иначе он выследил бы нас, и Прайс уже сегодня знал бы, где искать тебя.

Можайцев бросил на приятеля удивленный взгляд.

– Уверен, он и без того понимает, что разыскивать меня надо на территории Советского Союза, – сказал он.

– Возможно, возможно... – пробормотал Шольц. – Однако следовало бы прибавить шагу... Годдарт, наверное, уже прибыл в гостиницу... Сейчас он найдет там своего агента...

– Что это делает Крюгер? – задал неожиданный вопрос Можайцев.

Шольц почему-то смутился.

– Где ты его видишь? Ах, вон он где! Крюгер держит связь с советской подводной лодкой, которая доставит тебя в Ленинград или Мурманск, смотря по твоему желанию. Идем скорее, они ждут тебя.

Но Можайцев не двигался с места, – он заметил смущение Шольца.

– Прошу объяснить мне, – сказал он сухо, – каким это образом Бодо Крюгер превратился в твоего доверенного да еще в друга русских? Я имел возможность убедиться, что он – агент западногерманской тайной полиции. Я не доверяю ему.

Шольц явно не ожидал такого оборота и растерялся.

– Какая чушь! Крюгер – агент полиции! – он попытался рассмеяться, но у него из этого ничего не вышло. – Идем же, нас ждут. Смотри, с подлодки подают сигналы.

Можайцев недоверчиво покачал головой.

– Ты можешь поручиться, что Крюгер не подстроил мне ловушку? – спросил он. – Нет, я не взойду на борт этой подводной лодки, – и инженер снова повернул обратно.

Шольц рысцей бежал рядом с ним.

– Что за чушь! – снова растерянно заговорил он. – Крюгер, человек Функа, и вдруг – агент тайной полиции...

– Человек Карла Функа? – Можайцев побледнел от гнева. – И ты, ты знал об этом? Может, и сам ты подослан ко мне Функом?

– Перестань валять дурака. – Шольц старался как-то выкрутиться.

Можайцев уходил. Крюгер кому-то кричал по-немецки: «Сюда! Быстрее! Не стреляйте, его надо задержать!»

Ветер донес до Можайцева говор невидимых из-за мыса людей с подводной лодки: там были немцы. Можайцев схватил Шольца за шиворот.

– Что же это значит? Карл Функ, властелин Рура, прислал за мной советскую подлодку, чтобы доставить меня в Россию? – Он был в бешенстве. – Генрих Шольц – ты предатель!

Шольц почти плакал:

– Клянусь, все это недоразумение... Послушай, не возвращайся, там наверняка тебя поджидает Годдарт.

Можайцев продолжал поспешно уходить.

– Ну, хорошо, иди, – неожиданно спокойно произнес Шольц.

Можайцев с удивлением оглянулся. Следом за ним бежали Крюгер и матрос с лодки. Они приближались огромными прыжками.

– Хальт! – скомандовал Крюгер и поднял пистолет.

Можайцев сделал движение, чтобы броситься в сторону, но в этот момент Шольц ударил его камнем по голове.

– Поднимать шум стрельбой не следует, – деловито сказал Шольц, склоняясь над залитым кровью Можайцевым.

Он поспешно схватил большой желтый портфель инженера и, приказав Крюгеру отнести русского в шлюпку, со всех ног бросился к морю. Главное – материалы об «установках Можайцева» – в его руках, задание Функа наконец-то выполнено.

Крюгер и матрос взяли за Можайцева, и в это время перед ними появились Гросс и Эрика Келлер.

– Отставить! – резко приказал Гросс. – Убирайтесь отсюда. Живо!

Годдарт и Гейм прибыли через несколько минут. Крюгер истекал кровью, матрос лежал ничком, судорожно сжав в мертвых ладонях придорожный гравий. Больше на тропинке никого не было.

– Бодо Крюгер, собака! – злобно зашипел Годдарт и ударил немца ногой в бок. – Где Можайцев? Куда вы с Шольцем его дели?

Крюгер молчал.

– Ты мне скажешь, где Можайцев! – заревел Годдарт. – Смотри... – он приставил пистолет к виску немца. – Если ты не будешь отвечать, я пристрелю тебя.

Веки Крюгера дрогнули, глаза остановились на американце.

– Ага! Ты все-таки ожил, герр оберст, – со злорадством произнес тот. – Где Можайцев?

Немец с трудом что-то пробормотал. Годдарт склонился к нему.

– Говорит, что Можайцева увез с собой Шольц, – сказал он Гейму. – Видишь, они основательно передрались тут... Русский, по-видимому, здорово сопротивлялся... Почему бы? Странно...

Какая-то мысль, должно быть, осенила его. Он снова склонился над Крюгером.

– Бодо, ты хорошо знаешь меня, – заговорил он. – Не так ли? – Немец пристально, с явным страхом смотрел на него. – Так вот, твоя жизнь зависит сейчас исключительно от твоего благоразумия. Мне нужна правда, – Годдарт зловеще играл револьвером. – Скажи, по чьему поручению Шольц похитил инженера Можайцева? Говори, даю слово – это останется между нами. Кто приказал ему?

С трудом, но внятно Крюгер ответил:

– Карл Функ.

Минуту Годдарт оставался на месте как пораженный громом, потом бросился обыскивать труп матроса.

– Немцы, – выдохнул он, рассматривая документы моряка и еще не в состоянии прийти в себя. – Следовательно, версия насчет участия в этом деле русских была придумана, чтобы сбить нас с толку!

Гейм стоял на самом берегу бухты. Обернувшись к Годдарту, он сказал:

– Нам следовало бы поторопиться. С подводной лодки сюда идет шлюпка.

Годдарт подскочил к нему: летчик оказался прав – шлюпка находилась уже недалеко, несомненно немцы спешили, чтобы забрать Крюгера. А за шлюпкой возвышался корпус подводной лодки, на мостике которой стоял Шольц.

Годдарт потряс кулаками и злобно выругался.

– Он все-таки успел затащить туда инженера Можайцева, – произнес с отчаянием и, сделав знак Гейму, бросился к «виллису».

На губах Бодо Крюгера появилась торжествующая улыбка – он провел-таки этого прохвоста Годдарта, уверив его, что Шольцу удалось схватить Можайцева.

Годдарт гнал машину вовсю.

– Карл Функ... – говорил он растерянно. – Кто бы мог предположить?

Гейм понимал, что случилось нечто, чего ни Годдарт, ни его начальство не ожидали: в игру с «установками Можайцева» вступил Функ – некоронованный король Западной Германии.

Сообщение Харвуда о неудаче миссии Годдарта застало Уильяма Прайса врасплох. Втиснув свое тщедушное тело в уголок огромного кресла, он молчал. Харвуд пытался по выражению его лица угадать, какие мысли бушуют «короля урана», но тщетно – ни одна черточка не дрогнула на его аскетической физиономии.

– Мы в весьма тяжелом положении, – заговорил он наконец. – Прошло немного времени с того дня, когда мы досрочно выпустили Функа из тюрьмы, где он сидел за содействие Гитлеру... Мой сын и освобождал его... И вот он уже обнаглел и выступил против меня. Следует признать, Аллен, Карл Функ здорово провел нас с вами: подsunул нам Шольца, выкрал Можайцева вместе с материалами и попытался направить нас по ложному следу. Я уже было всерьез поверил в «руку Москвы»...

– Ему удалось обмануть нас лишь наполовину, – бросил Харвуд недовольным тоном.

– Да, благодаря Годдарту мы теперь знаем, для кого старался Шольц. В его вранье о невесте я не верил. Но ведь стремление Функа дезориентировать нас должно означать, что он планирует крупную операцию.

Харвуд поднял брови, – откровенно говоря, эту мысль он до конца не продумал, ему было не до того.

– Против нас? – спросил он недоверчиво.

Прайс бросил на него пронзительный взгляд.

– Возможно, против нас, сделав вид, что это акция Советов... А может быть, против Советов – в таком случае он сможет все свалить на нас.

– Вы подозреваете провокацию?

Прайс желчно усмехнулся.

– А почему бы и нет? Я бы на месте Функа поступил именно так. Преимущество установок Можайцева, в частности, в том, что, очищая космос от всякого рода искусственных спутников, они не оставляют никаких улик, и, таким образом, никто не сможет доказать, кем, где и когда изготовлены средства нападения.

– У Функа будут затруднения с Можайцевым, – заметил Харвуд, стараясь проследить за нитью рассуждений Прайса.

– Не тешьте себя иллюзиями, – сухо возразил старик. – Вы же сами понимаете, в случае необходимости они отлично обойдутся и без него. У них в руках вся документация, у них есть Шольц, который кое-чему научился у Можайцева.

Помолчав, Прайс продолжал:

– Появление на моем пути Карла Функа настолько серьезный факт, что нам с вами придется подумать о нем обстоятельно, – в голосе Прайса послышалась тревога. – Прошу вас, Аллен, принять все меры, чтобы выяснить, зачем Функу понадобились установки Можайцева, что он задумал? Займитесь этим делом немедленно – я кое-что подозреваю... Однако Функу для его затей все-таки потребуется время, и к тому же еще неизвестно, чем все это у него окончится. А русские не теряют ни одного дня, не сегодня-завтра они выведут в ближний космос на постоянную вахту целую эскадру своих орбитальных станций с людьми на борту. Этого допустить нельзя! Поэтому мы с вами, Аллен, не должны, увлекшись борьбой с Функом, забыть о том, что я считаю сейчас не менее важным... Поскольку у меня нет пока оружия, установок Можайцева, при помощи которых я смог бы очистить небо от советских космических станций, Аллен, мы с вами должны во что бы то ни стало быть в курсе их космической программы, попытаться завладеть их секретами, опередить их!

Харвуд пристально взглянул на Прайса.

– Я давно предусмотрел возможность такой ситуации, – спокойно произнес он. – Вы хотите, чтобы я немедленно начал атаку на советских ученых, астрономов, инженеров?..

– Да, именно немедленно. – Прайс вскочил на ноги. – Вам придется всеми средствами форсировать проведение...

– Операции «Шедоу», – подсказал Харвуд.

Прайс продолжал:

– Да, «Шедоу». Это сложное предприятие, я понимаю... Но главное – не теряйте ни минуты. И не жалейте ни денег, ни людей, мне важен конечный результат.

– Хорошо. – Харвуд бросил взгляд на часы и раскланялся. Прайс крепко пожал разведчику руку – наступила пора действий, действий там, на территории Советского Союза.

Глава третья

Жизнь сложна – эту истину Хью Годдарт усвоил давно. Однако было время, когда ему всерьез казалось, что и сложности ее и превратности – для него лично остались позади. Охранять такого человека, как Можайцев, всецело занятого своим изобретением и почти не обращавшего внимания на то, что творилось вокруг, не представляло никакого труда. Инженер Можайцев, которого Годдарт презирал, являлся для него залогом спокойной и богатой жизни, о которой он всегда мечтал. Но мечты пошли прахом, совершенно неожиданно оказалось, что все надо начинать сначала, о его прежних заслугах теперь и не вспомнили. У Годдарта имелась слабая надежда, что его отправят в Западную Европу доводить дело с установками Можайцева до конца, что ему поручат проникнуть в окружение Карла Функа, выведать, с какой целью тот заинтересовался работами русского инженера... Вызов к Харвуду положил конец иллюзиям: Годдарту надлежало заняться проведением операции «Шедоу». При этом Харвуд прямо сказал, что ему, Годдарту, отводится роль хоть и важная, но сугубо подчиненная – в Москве он должен будет действовать неукоснительно в соответствии с приказами Грина, любимца Харвуда, тот знает обстановку. Из слов Харвуда разведчик сделал вывод: ему придется заниматься осуществлением лишь части операции. Где-то уже есть или будут другие люди, о которых он ничего не знает и не должен знать. Смысл задания Годдарту стал ясен, как только он услышал имена тех, чьи работы интересовали «короля урана», – это было производное от несчастного для него происшествия с Можайцевым в Брайт-ривер. Прайс спешил теперь выиграть время, – знать труды русских ученых по созданию космических орбитальных станций.

«Почему сам Аллен Харвуд напутствует меня на этот раз?» – пытался догадаться Годдарт. Глубоко затаившееся тщеславие хотело бы, чтобы это обстоятельство объяснялось личностью Годдарта, но трезвый рассудок говорил иное: операция «Шедоу» исключительно важна, за ее ход Харвуду придется отвечать перед Уильямом Прайсом, а потому он и не мог никому передать это дело. Годдарт с предельной ясностью понимал больше – провал задания будет лично ему стоить головы, ему тогда вспомнят и бегство Можайцева, и неудачу с Шольцем. Плата за промахи будет только одна – его, Хью Годдарта, жизнь. Так незаметно для самого себя он подошел к незримой грани, отделяющей его реальное существование от небытия, и ему стало страшно. Для того чтобы иметь право жить, Годдарт обязан выполнить приказание Харвуда, выполнить, пустив в ход все свои способности и опыт старого разведчика, хитрость, жестокость, коварство. Чужие люди, к которым он и раньше не питал почтения, отныне не имели для него никакого значения.

Некоторое время ушло на необходимую стажировку – сюда входили не только ознакомление с советской прессой, курс специальных лекций по ядерной физике, но и серия сложных мероприятий по спортивной тренировке. Годдарту пришлось тяжело, но он добросовестно спешил: от одной мысли, что Харвуд заподозрит его в умышленной проволочке, становилось не по себе. К тому же Прайс, чего доброго, мог и пересмотреть свои планы, – в таком случае нужда в нем отпала бы и тогда настало бы то самое, чего он боялся больше всего – расплата за Брайт-ривер.

Поездка до Франкфурта-на-Майне могла бы сойти за развлекательный вояж, о недавних его заботах Годдарт старался не думать. Но уже в этом западногерманском городе он отчетливо понял – через считанные часы придется окунуться с головой в иную обстановку, полную неожиданностей и смертельной опасности...

Получив явки и пароли, Годдарт сумел затем благополучно перейти границу Германской Демократической Республики и, нигде не задерживаясь, начал продвигаться прямо на восток. На территории ГДР он удачно выдавал себя за немца, а перебравшись через Одер на польскую

землю, превратился в поляка, специалиста, возвращающегося в Варшаву из командировки. Он хорошо знал места, через которые скрытно следовал, когда-то у него тут были и друзья и агенты, но сейчас разведчик стремился пройти до самой Москвы неслышно, невидимкой.

В ранний сумеречный час он оказался наконец-то на берегу Буга. От земли подымался еле заметный весенний парок. Река по обоим берегам густо заросла лозняком, ивами... Совсем близко, за спокойной водной лентой и кудрявым кустарником виднелись хутора, а немного правее – строения пограничного городка Пореченска. Там была Белоруссия, Советская страна.

Вода в Буге струилась едва заметными перекатами, тихо плескалась у пологих берегов – чистая, темная на расстоянии.

Радомская, тридцать шесть. За забором обширный дом с мезонином, напоминающим старинную каланчу. На взгорье, в двух шагах, развалины старинного замка, и чуть подальше – Буг.

«Радомская, тридцать шесть, спросить Сатановскую». Его ждали. Пробираясь сюда, Годдарт думал, что встретит здесь пожилую, растолстевшую шинкарку, и был несколько озадачен, увидев перед собой женщину, пожалуй, не старше тридцати пяти, бесспорно красивую, элегантно одетую.

Годдарт не был поклонником прекрасного пола, женщины привлекательной внешности заставляли его инстинктивно настораживаться. Так и на сей раз – обменявшись паролем, он должен был сказать Сатановской еще нечто, что определяло способ его переброски через советскую границу, но решил не спешить с этим. На вопросительный взгляд хозяйки ответил лишь словом: «Спать». Она поняла по-своему – ему необходимо сбросить с себя усталость, избавиться от чрезмерного нервного напряжения, следствия далекого и опасного путешествия с Запада. Но он думал совсем о другом, о том, чтобы в эти последние часы перед броском через границу не «наследить», остаться «невидимкой». А для этого надо было прежде всего осмотреться, не столкнуться случайно с кем-то из старых знакомых. И его предосторожность оправдала себя.

Отдохнув в отведенной ему комнате, с наступлением вечера он отправился на разведку. Помещение Сатановской, как он вскоре заключил, представляло собой нечто среднее между рестораном, корчмой и домом свиданий. Внизу было весело, какие-то люди танцевали под радиолу, звенели бутылки, слышались пьяные возгласы...

Убедившись, что хозяйки там нет, Годдарт продолжал обследовать дом. Несмотря на большой рост и внушительную комплекцию, он умел передвигаться мягко, как кошка. В одной из дальних комнатшек Годдарт заметил наконец Сатановскую. Она сидела за крошечным столиком как раз лицом к стеклянной двери, за занавеской которой он неслышно притаился. Она беседовала с какой-то женщиной, лица которой разведчик видеть не мог. Разговаривали шепотом. Годдарт уловил слова незнакомки: «Не забудь купить холодильник, Маня». Голос показался ему знакомым. Сатановская сказала: «Хорошо. Я запомнила. Передам ему, пани Мария».

Мария! Женщина поднялась со стула, и в то же мгновение Годдарт отшатнулся: он увидел ее лицо, еще не старое, по-прежнему красивое, такое знакомое... Он поспешно добрался до отведенной ему комнаты. Теперь было ясно – с переходом границы откладывать опасно.

Когда Сатановская вошла в его конуру, он сидел угрюмый, в глубокой задумчивости, которую не сумел скрыть, – пытался видеть себя уже там, по ту сторону Буга, в Белоруссии. Ему хотелось верить, что все обойдется благополучно, – тогда он вернется домой, возьмет из банка доллары, которыми Харвуд отметит успех его миссии в России, – и заживет! Но до этого еще было очень далеко... Подняв голову, он сказал: «Дрисса». Теперь она знала, как именно и каким путем ей приказывают переправить его через границу. Но почему же он молчал раньше? Женщина в упор посмотрела в его большое рыхлое лицо и неожиданно вздрогнула. У нее задрожали руки, она постаралась спрятать их. Годдарт заметил и пристальный

взгляд хозяйки, и ее смущение, но объяснил это по-своему, расправил плечи и с самодовольным видом ухмыльнулся.

– Пану пора собираться, – okazала Сатановская. Резким, почти неприязненным тоном добавила: – Пана поведет женщина.

Годдарт спросил:

– Пани Мария?

Сатановская снова внимательно посмотрела на него, в углах ее губ зазмеилась презрительная улыбка: она поняла, что он выслеживал ее. После мучительно долгого молчания с трудом произнесла:

– Нет, другая.

В полночь разведчик покинул явку. Рядом с ним шла рослая женщина, под ватником которой он заметил автомат.

Непроглядная темь пала на землю. Где-то близко угадывался Буг. Годдарт никак не мог понять, куда его ведут. Женщина твердо, по-мужски взяла его за руку, и они вошли в развалины старого замка. А у него все не выходила из головы фраза: «Не забудь купить холодильник. Маня», повторенная ему на прощание Сатановской. Если в Смоленске он получит телеграмму до востребования с таким текстом, к поезду возвращаться нельзя, надо будет тотчас изменить маршрут.

Притаившись у окна мансарды, вслед Годдарту глядела Сатановская. За последние годы несколько тайных пришельцев с Запада ушло из ее дома на землю Советской Белоруссии вот так, ночью, в темень и непогоду, сопровождаемые все той же женщиной с немецким автоматом под ватником. И ни разу Сатановская не подумала о том горе, которое они, эти звери, могли причинить на территории Советского Союза, проникнув туда с ее помощью. Ни разу не подумала она об этом потому, что облик переходивших границу агентов ничего не говорил ей, не вызывал в ней никаких эмоций и не наталкивал на неприятные размышления – люди мелькали как тени и пропадали в ночи, навсегда уходя из ее жизни, так и оставшись неведомыми ей. Они не вызывали в ней ни гнева, ни симпатии, ни радости, ни ненависти – ничего! Но с тем, что вот сейчас уходил к Бугу, получилось иначе, встреча с ним неожиданно и глубоко встревожила ее: этого человека Сатановская знала, и знала слишком хорошо, на этот раз она уже не могла обманывать себя – он мог нести с собой только предательство, уничтожение, кровь и слезы людям, которые не ожидают этого, не имеют о нем ни малейшего представления и вот в этот полночный час, наверное, спокойно спят где-нибудь у себя – в Москве, Ленинграде, Минске... И это тревожило ее. Нет, нет – это не был голос совести, – Сатановской, пожалуй, были безразличны граждане соседней страны, люди, незнакомые ей. Переживать, и переживать сильно и больно заставляло что-то другое, чего определить словами она еще не могла. Может быть, остаток ранее ведомой ей гордости, самолюбие, может, странный каприз... Все возможно. Как бы то ни было, Сатановская чувствовала себя оскорбленной до глубины души. Если бы не этот человек, ее жизнь, возможно, сложилась бы удачнее и она не сидела бы долгие годы в пограничном польском захолустье, бесплодно ожидая обещанное ей счастье и благополучие. А годы уходят и безжалостно уносят с собой молодость, красоту и все то, что она, казалось ей, могла связывать с ними в своих мечтах.

Сатановская прошла в ту самую комнату, в которой недавно беседовала с Марией, вынула из шкафчика бутылку коньяку и тяжело опустилась в кресло.

Она пила и всеми силами старалась заставить себя не думать о прошлом. Но это ей не удалось, – прошлое вернулось и не хотело уходить...

Она родилась тут, в этом польском городке. У нее было короткое, но счастливое детство. Лучшего врача, чем Моисей Сатановский, не было, пожалуй, во всем воеводстве. Уважение и достаток не покидали дом, в котором росла красивая девочка Соня. Даже дядя Мордехай Шварц – чванливый, высокомерный, имевший обыкновение со всеми без исключения разго-

варивать в покровительственном тоне, и тот смотрел на нее как на чудо и порой о чем-то задумывался. Прошло много лет, прежде чем она поняла, о чем именно думал тогда Мордехай Шварц, но, к сожалению, – поздно, ничего изменить уже было нельзя.

Дядя вырос в Одессе, веселом городе где-то на берегу Черного моря. Маленькой Соне Одесса представлялась райским местом, где никто не знает нужды, всегда светит солнце, а люди едят виноград и распевают залихватские песни. Но дяде Одесса почему-то не понравилась, и он сбежал: когда, куда, каким образом – это для девочки оставалось тайной. Мордехай Шварц с головой окунулся в то, что не без гордости называл бизнесом, он «делал деньги». Шварц стал своим везде, хотя, кажется, не имел постоянного пристанища нигде. Без усталости колесил по земному шару, встречался с самыми различными людьми, заключал какие-то сделки и спешил дальше. Он постоянно спешил.

Подарков он ей никогда не привозил – то ли по жадности, то ли просто забывал купить хотя бы конфетку.

В сентябре тысяча девятьсот тридцать девятого года на польскую землю вторглись полчища Гитлера, те самые фашисты, о которых в семье доктора говорили всегда с ненавистью и презрением. Начались аресты и убийства поляков. Евреи подлежали поголовному уничтожению. Отца и мать схватили и увезли – больше она их никогда уже не видела. Ее спрятал поляк, которому незадолго до того доктор Сатановский спас жизнь. Поляк прятал ее долго – в подвале, на чердаке, потом помог ей уйти в лес, к обездоленным, а те переправили девочку за Буг, в Советскую Белоруссию. Так она очутилась в детдоме в Пореченске.

Через несколько дней в детдом явился ее дядя Мордехай Шварц. Он ни словом не обмолвился о тяжелой гибели близких, придиричливо осмотрел ее и пошел к советским властям хлопотать об отъезде за океан. Потом просидел с ней целый вечер, рассказывал об Америке. Страна эта, по его словам, была настоящим раем. Одессе с ее солнцем, виноградом и песнями с Америкой никак не сравниться. Девочка молчала, ей было все равно, лишь бы не гитлеровский концлагерь. Она легла спать с мыслями о предстоящем отъезде и со смутным подозрением относительно дяди: что-то он слишком щедр на обещания, она ведь всегда знала его сухим, расчетливым эгоистом. В родственные чувства Мордехая Шварца Соня не очень верила.

А под утро Гитлер напал на Советский Союз, началась новая война. Мордехай Шварц куда-то исчез, будто растаял в воздухе. Соня вскоре попала в концлагерь неподалеку от Гродно. С тех пор много воды утекло, но и поныне не может Сатановская без дрожи вспомнить о своем пребывании в том лагере. Каторжный труд, голод, горы трупов, погибших от истощения, издевательств, избиений, болезней. И казни, каждый день обязательно казни – несчастных подтаскивали к виселице, а оркестр из заключенных в это время играл марши, мазурки, польки. И зрители – несчастные, ни в чем не повинные люди, каждому из которых было суждено окончить жизнь или вот так, с петлей на шее, или от пули эсэсовца-конвоира. А у самой виселицы группа гогочущих, улюлюкающих садистов: комендант, совсем еще мальчишка, обер-шарфюрер СС, его жена – очень молоденькая и очень красивая, – говорили, что она полька, звали ее пани Мария. И ближайший помощник коменданта, сильного сложения человек с большой рыхлой физиономией, – в лагере звали его не иначе как «Палач»: он не только вел допросы, но нередко самолично вешал и расстреливал узников на глазах у всех.

День за днем одно и то же, – казалось, этому конца не будет. Девочка стала старше на два года и теперь с мучительной болью понимала то, на что раньше не обращала внимания – ее жизнь висела на волоске, тоненьком, незримом, и оборваться этот волосок мог в любой момент.

И все-таки Соне вторично повезло: в ту ночь, когда на охрану лагеря совершили нападение русские и белорусские партизаны, многим удалось бежать.

Полет на Большую землю, и опять советский детдом. Она была счастлива. Цветущая Фергана. Соне нравилось здесь все: улыбчивые люди, яркое солнце, вкусные плоды урюка, арыки, полные прохладной горной воды. Но агенты эмигрантского правительства генерала Сикорского

взяли ее под свою опеку как ребенка, принадлежащего Польскому государству. Агентами дирижировал дядя Мордехай, тот самый, что когда-то сбежал из Одессы. Так, вместе с армией польского немца Андерса Соня Сатановская очутилась сперва в Иране, а потом в Палестине. Там, в Иерусалиме, перед ней появился Мордехай Шварц. Теперь он уже ничего не говорил об американском рае и не ругал русских, приодел девочку и отдал ее в школу. Оказывается, Шварц все-таки обзавелся домом, и там, в его доме, Соня должна была ежедневно заниматься английским языком, не забывая время от времени благодарить дядю за предоставленную ей возможность жить на благословенной земле «древнего еврейского очага» – последнее он требовал неукоснительно, с подлинно ветхозаветной суровостью, внушавшей ей трепет.

Давно окончилась война. Соня из девочки превратилась в девушку. В предприимчивой голове дяди зрели какие-то планы, о существовании которых Соня смутно давно уже догадывалась. Очевидно, он решил продать ее в жены богатому старичку, – думала она иногда и настораживалась. Но дядя перехитрил ее, обвел вокруг пальца, да так, что она и не заметила.

Началось с того, что в доме Мордехая Шварца появился некий Грин, офицер американской военной разведки. Впрочем, о принадлежности полковника Грина к разведке девушка тогда и понятия не имела. Все произошло, как в плохом банальном кинофильме: он был ранен арабским националистом и, забинтованный, лежал почему-то не в госпитале, а у ее дяди, был скромен и страшно переживал, опасаясь на всю жизнь остаться изуродованным. Она ухаживала за ним – как же иначе! – и влюбилась в него, нежного и беспомощного выходца из того самого американского рая, о котором ей когда-то так красноречиво рассказывал дядя.

И странное дело – Мордехай Шварц, кажется, перестал строить планы обогащения за ее счет, он, должно быть, раздумал выгодно продать ее и был доволен тем, что она нашла счастье с американцем. По неопытности Соня тогда еще не поняла, что он уже продал, и дорого продал ее иностранной разведке. Она наивно верила в любовь Грина, считала себя его женой, не подозревая о настоящей роли, которую Грину пришлось играть с ней. Ее заблуждение продолжалось довольно долго.

Грин на время уехал в Европу. Она не находила себе места от тоски и скуки. Потом на какое-то время он вернулся и под сугубым «секретом» сообщил ей: служит сейчас в разведке. Соня поинтересовалась: что такое разведка, чего это он разведывает? И тогда, к ее удивлению, оказалось, что Грин досконально разбирается в этом сложном деле. Он рассказал ей уйму романтических историй о подвигах женщин, героинь тайной войны, начиная с Мата Хари, и предложил так, для проведения времени, изучать коды, шифры, искусство тайнописи. Ей было все равно, чем бы ни заняться, ведь он снова уезжал в Западную Германию, на нее опять надвигалось беспросветное одиночество, и она согласилась. Грин присвоил ей агентурный номер, который Соня не имела права забывать на протяжении всей ее жизни. Грин исчез, и тотчас в доме появились люди из американской разведки. Соню стали терзать опасения, – занятия с офицерами из Управления стратегических служб никак не походили на любительские, скорее они напоминали прохождение ею военной службы специального назначения. Она встревожилась и побежала к дяде. Но Мордехай Шварц не стал слушать ее. А на следующий после этого день Соню посетил неприветливый человек из военного ведомства: оказывается, о ее беседе с дядей там уже были отлично осведомлены. Ее строго предупредили «не дурить», разъяснили, что хода назад для нее нет – вырваться от них невозможно. Неприветливый человек многозначительно заметил, что она зря подводит мистера Мордехая Шварца, – тот, как лишь теперь поняла Сатановская, давным-давно связан с разведкой и сумел к ее, Сони, несчастью убедить своих шефов в том, что она в силу ее внешних данных женщина «перспективная» и со временем, «пожалуй, не уступит Мата Хари». Но Сатановская не хотела быть Мата Хари, даже если та действительно была звездой разведки, – ее страшила расплата за шпионаж. Однако выхода как будто не было; ей пригрозили: за неподчинение в разведке имеется лишь одно наказание – смерть. И когда ей дали большую сумму денег и при этом пообещали ежемесячно отклады-

вать на ее текущий счет в лондонском банке доллары, она согласилась, – стало быть, судьба! Ей приказали немедленно вернуться в родной польский городок, купить вот этот дом рядом с развалинами старинного замка на берегу Буга. Обещали немного погодя отпустить к Грину, в Западную Германию. Так она оказалась у самой советской границы и принялась за «работу», используя для маскировки любовь местного населения к ее загубленному гитлеровцами отцу – доктора Моисея Сатановского здесь хорошо помнили.

Отгоняя неприятные мысли, Сатановская работала не за страх, а за совесть, – если, конечно, это слово в данном случае можно применить по отношению к ней. Она четко и старательно выполняла задания центра на Западе и даже чувствовала себя не последней спицей в шпионской колеснице. Но через некоторое время она случайно узнала о том, что у Грина есть жена, семья, и о настоящей его роли в деле приобщения ее к шпионской работе на Аллена Харвуда. Сатановской овладело отчаяние – мир был полон людей, а она оказалась в этом мире до ужаса одинокой. Она твердо уверовала: любви нет и никогда не было, все это обман и детские иллюзии, – деньги представляют единственную ценность в человеческом бытии. Следовательно, все сводится к тому, чтобы заработать побольше долларов, – и она успокоилась.

Однажды ее связали с «пани Марией», проживающей на восточном, советском берегу Буга. «Пани Мария» оказалась той самой женщиной, которую она не раз видела в концлагере. Никогда не призналась она новой связной в том, что помнит ее, знает ее прошлое. Вынужденное сотрудничество с этой женщиной бредило старые раны, будило не то гордость, не то самолюбие. Но с течением времени она смирилась с необходимостью иметь дело с бывшей женой коменданта гитлеровского лагеря уничтожения. А вот теперь явился Палач. С ним вошло в ее дом гнетущее сознание обреченности – ибо такие, как эти двое, рано или поздно должны были поплатиться за все их чудовищные преступления – в этом Сатановская была твердо убеждена. То, что она оказалась вместе с ними, напугало ее. Хоть бы скорее прошел этот год – она уедет на Запад, разыщет там Грина, обязательно разыщет, чтобы плюнуть ему в глаза. Потом возьмет из банка заработанные доллары и заживет! Там, на неведомых ей «просторах», а не здесь, в захолустье, она развернется, там можно будет, пожалуй, вспомнить и о Мата Хари – разве она, Сатановская, перестала быть «чудом», заставлявшим впадать в транс даже Мордехая Шварца? А в таланты дяди она верила, ведь он даже на ней сумел заработать.

Глава четвертая

Мане пришлось остаться без холодильника, нужда в условленной телеграмме отпала, да еще при таких обстоятельствах, которых Годдарт никак не ожидал.

В сопровождении женщины в ватнике он шел всю ночь. Маршрут «Дрисса» оправдал себя полностью, и если в конце получилось не совсем так, как должно, то в этом виновата чистая случайность, по крайней мере так думал Годдарт. К утру они оказались далеко в тылу советской границы, где ни нарядов, ни дозоров пограничников опасаться уже было нечего. Разведчик, при всей его настороженности, не мог не радоваться: ему не пришлось преодолевать ни контрольно-следовую полосу, ни проволочных заграждений, и, таким образом, он, по сути дела, ни разу не встретился с опасностью лицом к лицу и мог быть уверен, что сумел остаться невидимкой. Основного в пути, чтобы о его проникновении на советскую территорию чекисты и не подозревали, – все-таки удалось добиться!

Рассвет наступал быстро. В лесу было тепло и сыро. Ночной туман постепенно поднимался все выше, день обещал быть солнечным. Это Годдарту не очень-то нравилось, но его утешала надежда на то, что к условленному месту он сумеет добраться вовремя, маскируясь в предутренней дымке леса. Он хорошо знал маршрут: вот сейчас они минуют этот обширный лесной массив, перейдут неширокое – на пять минут быстрого хода – колхозное поле, снова углубятся в чащу и там, на полянке, расстанутся. Женщина высказала готовность вести его и дальше, но Годдарт воспротивился этому: ее миссия кончалась на полянке, у сломанного дуба, дальше он будет пробираться сам, одному ему известной дорогой, посвящать же в свои планы кого-нибудь он не хотел.

Разведчик нервничал, ему казалось, что стрелки часов слишком спешат и могут подвести его. Женщина шла впереди, шагала размеренно и, как казалось Годдарту, без должной осторожности.

Деревья расступались все шире. Широкие прогалины незаметно сливались с яровым колхозным полем. Женщина-проводник шла не сбавляя шага, и Годдарт забеспокоился – он предложил не выходить на открытое место, сделать крюк и, не покидая леса, пробраться на условленное место у сломанного дуба. Она отрицательно покачала головой. Годдарт сердито предложил ей в таком случае не ходить дальше вообще, заявив, что дальше он пойдет один, в конце концов плевать ему на какой-то дуб, который лишь означает конец его маршрута в ее сопровождении и больше ничего, она может возвращаться назад отсюда, не выходя на опушку леса. Спутница ничего не ответила, лишь посмотрела на него с невыразимым презрением не по-женски жестоких глаз. Годдарт растерялся. Ему чудилось, что опасность, страшная и неумолимая, уже нависла над ним, он всегда верил в свой инстинкт и не мог ошибиться и на этот раз. Решительно отстранив женщину, он вышел на опушку леса и тотчас шарахнулся назад: по пересекавшей поле дороге ехала повозка, на которой сидел, свесив ноги, офицер-пограничник.

Офицер глядел как раз в ту сторону, где притаились Годдарт и его спутница.

Отпрянув за дерево, разведчик в ту же минуту понял, что он совершил промах – надо было не прятаться, а как ни в чем не бывало идти вперед, и тогда ничего неестественного в его поведении не было бы, мало ли тут народу ходит по своим делам, здесь ведь не граница. Он слишком нервничал – и вот результат. Конечно, виновата во всем проводница, она слишком бравировала. А теперь не оставалось ничего иного как ждать, что будет делать офицер. Успел ли он заметить?

Женщина ухватила его за руку, куда-то тащила, но теперь разведчик хорошо знал, что именно ему надлежит делать. Прежде всего следовало проследить за повозкой, так неожиданно появившейся тут в этот утренний час.

Притаившись, Годдарт наблюдал. Повозка остановилась. Офицер что-то сказал солдату-повозочнику, взял с телеги автомат и, придерживая рукой фуражку, побежал к лесу, туда, где притаились нарушители. Теперь можно было не сомневаться – их заметили.

Женщина зло выругалась.

– Быстрее уходите, я задержу его... – сказала она Годдарту.

Разведчик исчез. Взяв автомат наизготовку, женщина прислонилась к широкому стволу дерева и приготовилась стрелять. Но пограничник – это был младший лейтенант – оказался хитрее, чем она предполагала, – он не пошел напрямик, а проник в лес на некотором расстоянии от того места, где заметил подозрительного человека, и теперь осторожно пробирался вперед.

Вступать в перестрелку на опушке было опасно, слишком большие расстояния между деревьями и отсутствие там подлеска не позволяли маскироваться, и женщина бросилась назад, в чащу. Она успела выполнить свое намерение, но тотчас остановилась, замерев без движения: пока жив этот пограничник, нечего и думать о том, чтобы спастись, он будет без конца преследовать ее, да скоро появятся и другие пограничники, которых приведет сюда солдат-повозочник, в этом можно не сомневаться. Поэтому бежать было просто нельзя. Она осторожно выглянула из кустов – пограничник находился сейчас на том самом месте, где только что прятались она и агент, которого она вела по маршруту «Дрисса». Пограничник тщательно исследовал следы, – значит, теперь он уже знает, что их тут двое. Женщина притаилась и, как только пограничник мелькнул между деревьев – дала по нему очередь. Он упал, она отлично видела это, но продолжала оставаться на месте, выжидая. И она оказалась права: кустарник зашевелился уже в другом месте, поняла – пограничник решил отрезать ей путь назад.

У него было большое преимущество перед нею: достаточно выиграть время до подхода пограничных нарядов – и ее песенка будет спета; ей же для того чтобы спастись, необходимо во что бы то ни стало уничтожить его, но сделать этого никак не удавалось, и потому волей-неволей приходилось отходить в глубь леса. Она видела, как он осторожно озирался, должно быть, хотел установить, где же мужчина, тот, что так неосторожно выскочил недавно на опушку, у ярового клина. Ее могут схватить – эта мысль внезапно обожгла ее, и она опрометью, что было мочи бросилась бежать – в конце концов можно ведь и оторваться от преследовавшего ее пограничника. Она бежала петляя, потеряв преследователя из виду. Он почему-то даже не стрелял по ней.

Подлесок неожиданно кончился, и она почувствовала, что вот теперь ей, пожалуй, не уйти. Она не слышала выстрела, того самого, после которого уже не могла идти – из левой ноги била кровь. И она переменила тактику – бросилась не от пограничника, как он, наверное, рассчитывает, а наоборот, навстречу ему.

Они встретились явно неожиданно для офицера-пограничника, этим следовало воспользоваться.

– Руки вверх! – приказал пограничник.

Она рванулась назад и с силой перебросила автомат из одной руки в другую, чтобы было сподручнее прошить его очередью.

Но в тот же момент что-то с силой вырвало оружие из ее рук – ремень зацепился за сук дерева, и автомат отлетел в сторону. Она стояла безоружная.

– Руки вверх! – повторил офицер.

Она сделала порывистое движение, но тотчас загремел выстрел, и ее перебитая рука повисла, – достать ампулу с цианистым калием ей не удалось. Дрожа, она подняла вверх вторую, здоровую руку.

Офицер осторожно сделал несколько шагов по направлению к ней. В тот миг он думал только о ней, женщине-враге, которую нужно взять живой и доставить на заставу. Он думал о ней одной, и это подвело его. Когда он рухнул ничком, продолжая сжимать в руках оружие, из-

за дерева появился Годдарт. В глазах женщины мелькнуло удивление – она никак не ожидала от него такого рыцарского поступка. Годдарт нагнулся и выхватил у пограничника его автомат, он даже не поинтересовался – убит тот или только ранен.

– Мне надо перевязать ногу, – сказала женщина, опускаясь на траву.

– Поздно, – произнес Годдарт, приближаясь к ней.

Она вскинула голову и на фоне ясного утреннего неба увидела большое, обрюзгшее лицо человека, которого привела сюда с той стороны Буга.

– Поздно, – почти беззвучно повторил Годдарт, вскидывая автомат. Она хотела понять, что он собирается делать, но ей уже не суждено было что-либо понимать...

Бросив автомат, Годдарт поспешно убежал прочь. Бежал, задыхаясь, обливаясь потом, и боялся взглянуть на часы – если посланец от Грина не захотел его ждать свыше положенного – то конец!

Выскочив на шоссе, осмотрелся. Невдалеке, у самого кювета стояла легковая автомашина. Человек от Грина оказался на месте.

Глава пятая

Генерал Тарханов – начальник одного из управлений Комитета государственной безопасности – размышлял над сведениями, ставшими ему известными в эти дни. Опять, кажется, его старые «знакомые» – Уильям Прайс и Аллен Харвуд появились на сцене... Некий русский инженер Можайцев изобрел какие-то «установки», за которыми гоняются Прайс и Карл Функ из ФРГ. Соперники! Не поделили изобретение русского инженера, изобретение, по-видимому, военного характера. Придется по этому вопросу проконсультироваться со специалистами. В полученных сведениях речь шла не только об установках «М-1», но и о пребывании Можайцева в Норвегии, о его встрече сперва с Крюгером, а затем с Шольцем, и обо всем том, что случилось с этим загадочным русским инженером на пустынном берегу Атлантики. Да, тут было над чем поразмыслить... Придется вернуться к материалам о затеях Харвуда, против которых нашей контрразведке однажды уже пришлось вести борьбу, – может быть, в них, в этих материалах, найдется ключ к новой тайне. Уильям Прайс снова что-то затеял. Стало быть, как, впрочем, и следовало ожидать, неудачи в прошлом отнюдь не положили конец его авантюрам. Но что же все-таки он задумал теперь?

Тарханов задумчиво перелистывал документы, когда зазвонил телефон.

– Товарищ генерал, разрешите зайти по срочному делу, – послышался как всегда спокойный голос полковника Соколова.

– Заходите, – бросил в трубку Тарханов.

В самом деле, что же задумал Прайс? Он не такой человек, чтобы повторяться, вряд ли он опять строит «крепость в небе», космический бомбовоз, – очевидно, старик придумал нечто более страшное, фантастическое. Но что именно? И какое же к затеям Прайса имеют отношение установки Можайцева?

– Ну что у вас, Иван Иванович? – обратился Тарханов к вошедшему в кабинет полковнику Соколову.

– Разрешите доложить о происшествии в районе Пореченска, товарищ генерал.

– Докладывайте. – Тарханов откинулся на спинку кресла и приготовился слушать. Среднего роста, стройный, подтянутый, с черными, еще не тронутыми сединой волосами и карими глазами, он всегда производил на подчиненных впечатление человека никогда не устающего, всегда готового к действию.

Полковник Соколов был несколько старше Тарханова возрастом и резко отличался от него внешностью – подчеркнуто сильного сложения, со словно вырубленным из камня крупным, волевым лицом. Соколов считался опытным работником управления. Доложил он четко, ясно, сжато.

– Лейтенант Пинчук ехал к месту назначения, на пограничную заставу номер три, расположенную в районе Пореченска, – начал полковник. – Накануне из штаба во все пограничные части было передано сообщение о побеге из-под стражи крупного уголовного преступника. Имея в виду это сообщение, лейтенант, приближаясь к линии государственной границы, вел наблюдение за местностью. На опушке леса, в двадцати километрах от Пореченска, он заметил неизвестного, появившегося из-за деревьев. При виде пограничника неизвестный быстро скрылся в лесу. Лейтенант Пинчук решил проверить личность прячущегося от него человека. Взяв у солдата-повозочника автомат, лейтенант направился к лесу, скрытно пробрался к месту, где ранее заметил неизвестного, и по следам обнаружил, что скрываются там двое, мужчина и женщина. При попытке лейтенанта Пинчука проникнуть в лес он был обстрелян из автомата. Как ему удалось установить – стреляла по нему женщина, рослая, одетая по-дорожному и вооруженная автоматом. По-видимому, она решила не дать пограничнику задержать замеченного им мужчину. Так ее действия расценил лейтенант Пинчук.

Поскольку, не схватив женщину с автоматом, нельзя было преследовать ранее обнаруженного неизвестного, лейтенанту поневоле пришлось вступить в перестрелку с ней. Лейтенант хорошо понимал важность захвата ее живой, и это ему почти удалось – при встрече лицом к лицу она оказалась перед ним обезоруженной, принять яд он ей помешал. О дальнейшем лейтенант ничего не помнит.

– Увлёкся? – с досадой заметил Тарханов.

– Так точно, товарищ генерал, – угрюмо улыбнулся Соколов. – Он был уверен, что замеченный им мужчина как раз и есть тот самый уголовник, о бегстве которого узнал накануне, и думал, что теперь этот субъект далеко. Лейтенант ошибся, враг оказался рядом и в решительную минуту послал в него пулю. Когда наряды прибыли к месту схватки, они нашли лейтенанта в тяжелом состоянии, а рядом с ним обнаружили труп женщины, которую он преследовал. Лицо женщины обезображено до неузнаваемости.

– Та-ак... – Тарханов подошел к стене и стал рассматривать карту района Пореченска. – Может, он все-таки сам выстрелил в нее?

– Нет, товарищ генерал, лейтенант Пинчук сейчас в сознании, и он утверждает, что не стрелял... Да и незачем ему было стрелять, ведь она была обезоружена и стояла перед ним с поднятыми руками.

– А что с уголовником?

– Его задержали у линии государственной границы за несколько часов до этого, еще ночью. Он к этому происшествию не имеет никакого отношения.

– Стало быть?

– Перешедший с помощью женщины линию нашей государственной границы вражеский агент обнаружил себя.

– Удалось ли установить личность убитой? – осведомился Тарханов.

– Да. Она проникла на нашу территорию из-за Буга. Польские товарищи сообщают, что они подозревали ее в темных делах, в занятиях контрабандой, но оказалось, что она занималась кое-чем поважнее.

– Надо попросить наших польских товарищей установить связи этой женщины, – сказал Тарханов.

– Это уже делается. В частности, ее неоднократно видели в обществе некой Сатановской. Но разрешите продолжить... Отлично понимая, что его проводнику не уйти от пограничников и что она, скорее всего, будет схвачена живой, вражеский агент и не думал уходить далеко от нее конечно же вовсе не для того, чтобы оказать ей помощь.

– Она была обречена, даже если бы лейтенанту Пинчуку в не удалось схватить ее, – заметил генерал.

– Безусловно, – согласился Соколов. – Понимая, что ей уже не удастся благополучно уйти за кордон, что не Пинчук, так другие пограничники задержат ее, вражеский агент, которого она привела к нам из-за Буга, решил уничтожить ее. Сама того не подозревая, она всю ночь вела своего убийцу. Она, возможно, обрадовалась, увидев, как от пули ее спутника упал пограничник, но в следующую же минуту он убил и ее.

– Неглупо придумано: друг друга, мол, в схватке подстрелили, свидетелей нет, – усмехнулся Тарханов. – Но это наивно, мы бы все равно разобрались, что к чему.

– Агент очень спешил и, будучи уверен, что лейтенант убит им наповал, не стал проверять, жив он или нет, – продолжал Соколов. – А показания лейтенанта помогают нам сэкономить время. Теперь мы определенно знаем – на нашу территорию в районе Пореченска проник агент иностранной разведки.

– И довольно бесцеремонный, – Тарханов забарабанил пальцами по столу, задумался.

– Вот что, Иван Иванович, – сказал он после некоторой паузы. – Помните, мы с вами как-то, года два назад, разговаривали по поводу проникновения к нам вражеской агентуры в районе Пореченска? Именно Пореченска...

– Да, отлично помню, товарищ генерал, – оживился полковник.

– Так вот... Мы с вами тогда высказывали подозрение, что в том секторе нашей границы где-то есть «окно», которым изредка, в особо важных случаях, они и пользуются. Сдается мне, что в данном случае иностранная разведка снова воспользовалась тем же «окном». Очевидно, в распоряжении Аллена Харвуда имеется надежный маршрут, которым он очень дорожит. Ведь наши пограничники в Пореченске снова ничего не обнаружили, не так ли?

– Ничего не обнаружили, – подтвердил полковник Соколов.

– Стало быть, из этого обстоятельства мы обязаны сделать кое-какие практические выводы, – произнес Тарханов. – Прежде всего, надо принять все меры к выявлению вражеского лазутчика на нашей территории. Это очень трудно, ведь он будет маскироваться... Подготовьте к утру ваши соображения.

– Слушаюсь.

– Во-вторых, немедленно договоритесь с пограничниками: надо срочно приняться за поиски «окна». Искать тщательно и осторожно, чтобы иностранная разведка ничего не заподозрила. И последнее... ну, это я сам сделаю: сегодня же попрошу наших польских друзей не трогать Сатановскую с ее увеселительным заведением. Поскольку связь проводника через границу с Сатановской выявлена, можно предполагать, что и сама она играет какую-то роль в делах разведки Харвуда. Поэтому спугивать ее прежде времени, пожалуй, не следует.

– Разрешите идти, товарищ генерал?

– Да, да... Идите. Впрочем, постойте... Я все вот о чем думаю... Если Аллен Харвуд решил на сей раз для своего очередного агента воспользоваться каким-то весьма ценным маршрутом, значит, и дело у него важное, и агент не рядовой. Та-ак... – задумчиво продолжал Тарханов. – Но в таком случае к кому же этот агент идет? Мы с вами пришли к выводу, что резидентуру некоей иностранной разведки у нас тут возглавляет Грин, однако вот уже две недели, как он уехал из Советского Союза. В чем же дело? В общем, и об этом мы с вами должны будем подумать, Иван Иванович.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – полковник Соколов покинул кабинет начальника управления весьма озабоченным... В самом деле, почему же в таком случае Грин отправился в Штаты именно в то время, когда его шеф перебрасывал к нам важного агента? Да, Тарханов тысячу раз прав – об этом тоже следует основательно подумать.

Глава шестая

За последнее время Гейм немало размышлял о «холодной войне». Эти раздумья летчика вызывались не только ненавистью к той будущей «большой» войне, о которой кое-кто любит кричать в его стране, но и непреодолимым желанием устроить наконец свою личную жизнь. Мысленно он видел себя обыкновенным гражданским человеком, на своей ферме в Калифорнии. Однако мечтам Гейма о такой жизни пока что не было суждено сбыться.

Сегодня Гейм и Финчли отправились на полевой аэродром, расположенный на территории Прайсхилла, и снова, в который уже раз, принялись за осмотр самолета, проверку всех его узлов. И хотя в отличие от приятеля Гейм обычно говорил мало, тут он все же не сдержался, высказал свою досаду. Боб Финчли отлично понимал товарища. Больше того, он не мог не признать, что с недавнего времени у того имеются основания к тревоге: жена Гейма, Чармиан довольно долго жила на ферме у стариков Гейма, но потом пребывание там показалось ей бесцельным, и она неожиданно примчалась в Нью-Йорк – решив бороться против опасных замыслов Прайса и заодно отомстить ему за смерть своего отца. Отец Чармиан – профессор Старк, не захотел стать послушным оружием в руках Прайса и погиб.

Чармиан разработала план, по которому могла бы появиться у Прайса и определиться к нему на службу, войти в доверие, получить доступ к важным документам... Гейм должен был сказать свое слово, напутствовать Чармиан, но он колебался, боялся за ее жизнь. Повидался с писателем Артуром Гибсоном. Как всегда суровый и непреклонный, Гибсон нашел желание дочери Старка понятным и оправданным. И все же Гейму было не по себе, Чармиан значила для него слишком много.

Прайс встретил дочку старого «друга» приветливо, с участием – он, видимо, думал, что она не знает, что ее отец погиб в результате его вмешательства. Прайс даже счел нужным как-то объяснить ей, что именно случилось с профессором Старком: ему заморочили голову красные агитаторы, завлекли, опутали, довели до гибели... Сдерживая гнев, Чармиан поблагодарила Прайса. Он принял ее на службу к себе, ему это было нужно, позволяло отвести от себя подозрения... Некоторое время Чармиан жила в Прайсхилле у своей подруги, дочери Уильяма Прайса – Бетси. Потом внезапно исчезла, должно быть, старик отправил ее в какую-то командировку. Куда? Что он ей поручил? Гейма мучила неизвестность, он нервничал, беспокоился.

Из отдельных высказываний Прайса в минуты откровенности Гейм понял, что кроме профессора Хиггинса у него есть и другой специалист-атомник, некий профессор Райт. Из слов Прайса Гейм сделал такой вывод: сугубо секретные работы ведутся на Земле Бэтси. Чем же там занимаются люди Прайса и где именно находится эта самая Земля – было абсолютно неизвестно. Это следовало как-то выяснить, а затем постараться проникнуть на запретную территорию. Эти мысли не давали покоя Гейму. Однако следует честно признать – больше всего его, пожалуй, беспокоила сейчас судьба Чармиан.

Майкл Гибсон, сын писателя, прибыл под вечер, как обычно на своем стареньком «форде». Записка, которую он вручил летчикам, содержала совершенно неожиданную просьбу: следующим утром быть в одном из поселков на побережье озера Онтарио.

Завтра утром! Но ведь Гейм в любую минуту мог получить приказ о вылете куда-нибудь с Прайсом... Однако несколько слов, переданных Майклом устно, положили конец колебаниям: на лодочной пристани к нему подойдет человек и передаст привет от Чармиан. Что это за человек и при чем тут Чармиан?.. Майкл ничего по этому поводу сказать не мог и молча ждал ответа.

Поселок, в который Гейм добрался самолетом, был малолюдным, на лодочной пристани, кроме нескольких парнишек с удочками, никого не было.

Тишину пустынного в этот час озера неожиданно нарушил рокот мотора – к пристани медленно приближался катер.

Катер явно не собирался швартоваться здесь, он лишь бортом коснулся деревянных ступенек лестницы и на мгновение замер. Незнакомый человек, стоящий на палубе, крикнул Гейму:

– Привет вам от Чармиан, Гейм. Прыгайте сюда.

Летчик не заставил себя ждать. Незнакомец поспешно увлек его вниз, в каюту под палубой. Здесь стоял легонький столик и пара тростниковых кресел.

– Профессор Райт, – произнес незнакомец, протягивая летчику руку.

Райт, тот самый, что наряду с Ваневаром Хиггинсом и инженером Норрисом работает над выполнением секретных планов Уильяма Прайса? Что это – провокация? Гейм не двинул ни одним мускулом.

Райт слабо улыбнулся.

– Вам пора бы привыкнуть к тому, Гейм, что среди нас, американцев, имеется много таких, которые ненавидят войну, – сказал он с упреком. – Я-то лучше других понимаю, что новая война была бы чистейшим безумием! Ведь я принимал участие в работе по созданию атомной бомбы с самого начала... Тогда я отдал всего себя достижению успеха – мы хотели помочь союзникам разгромить Гитлера. Но настало время, когда я понял: атомная бомба в руках Прайсов несет смерть без разбору, и нам самим в том числе.

Так вот оно что! Райт против Прайса! Гейм обеими руками пожал руку ученого, но тот, кажется, и не заметил его жеста.

– Я хочу, чтобы вы относились ко мне с доверием, – продолжал он. – Никаких недоразумений! Мы и без того рискуем, не правда ли, дружище?

Гейм утвердительно кивнул.

Райт задумчиво посмотрел в иллюминатор – катер не спеша рассекал беспокойную гладь озера Онтарио – и уселся за столом напротив летчика.

– А теперь к делу. – Голос Райта посуровел. – Уильям Прайс предложил мне работать на него, и я это его предложение принял. – Профессор строго посмотрел на Гейма, тот понимающе кивнул.

– Работать я должен буду вместе с инженером Норрисом. В чем конкретно будет заключаться моя деятельность – сейчас оказать не могу, но, судя по тому, что в мою обязанность входит помогать Норрису, кое-что предположить можно. Дело в том, что Норрис один из тех, кто долгое время работал в фирме «Мартин» над созданием космических проектов, а также в фирме «Мак Донелл» над проектом «Меркурий», который предусматривает запуск в космическое пространство спутника с человеком. В той же фирме «Мартин» Норрис имел отношение и к проекту «Дайна-Сор», к созданию орбитального бомбардировщика, обладающего дальностью действия по всему земному шару.

– Вы полагаете, что Уильям Прайс занимается постройкой летательных космических аппаратов? – осведомился Гейм.

– В этом можно не сомневаться, – убежденно сказал Райт. – Он давно рвется в космос. Прайс уверен в том, что если ему удастся раньше Советского Союза запустить своих парней в космическое пространство, то он получит возможность диктовать свою волю всему миру и в первую очередь, конечно, красным, Советам. Во что бы то ни стало выиграть время, опередить русских – вот его генеральная задача сейчас. Каким путем он рассчитывает добиться этого? Во-первых, всемерно форсируя работы на Земле Бэтси. Затем, как я это понял из бесед с ним, у него будто бы имеются какие-то «установки», с помощью которых он попытается предотвратить появление в космосе советских орбитальных станций с людьми, и одновременно принимает меры к тому, чтобы быть в курсе работ русских ученых в этой области. Все это весьма серьезно.

– Странно... – протянул летчик, – неужели он надеется добиться своего?..

– А почему бы и нет? Это не странно, а опасно. Вам с Гибсоном всегда казалось, что Прайс витает в облаках, не так ли? – Райт язвительно посмотрел на Гейма. – Но это вовсе не так, он всеми силами стремится к своей цели. Обо всем этом я и хотел информировать вас. И не только об этом, есть и еще нечто крайне важное, Гейм. Слушайте внимательно... Как вы знаете, у Уильяма Прайса имеется сын... Пока папаша рвется в космос, сынок не отрывается от грешной земли, производит и продает так называемое обычное оружие, от пистолетов до пушек и ракет включительно. И хотя фирма у них общая, до недавнего времени мой шеф в бизнес, которым занимался Прайс-младший, почти не вмешивался. Сейчас положение и тут изменилось... Прайсу нужны деньги, а наилучший, самый прибыльный источник – война. Большую развязывать наши вояки пока боятся, теперь планируют целую серию войн «малых», «ограниченных», наподобие войны в Индокитае. Это очень опасно, Гейм. Передайте эту мою информацию Гибсону. И еще вот что: я как-то не уверен в том, что Прайс занимается на Земле Бэтси только тем, о чем я говорил, что-то подсказывает мне – он там задумал еще что-то не менее, а может быть, и более зловещее... Но это лишь мои догадки, правильнее сказать, даже не догадки, а... подозрение. Нам с вами необходимо разыскать Землю Бэтси и посмотреть, что там делают подручные Прайса. Поэтому я хотел заранее предупредить вас: эта «земля» не географическое название, а кодовое, на картах ее искать бесполезно. Ну, кажется, все. На том берегу озера, к которому приближается наш катер, – моя ферма, там я должен ожидать часа, когда меня переправят к месту моей новой работы, на Землю Бэтси. Сейчас я сойду, а в обратный путь вас проводит сотрудница Прайса, – Райт загадочно усмехнулся. – Ей придется вместе со мной отправиться на Землю Бэтси.

– Ей? – Гейм начинал догадываться.

– Да, да, – профессор грустно улыбнулся. – Недооценивать не следует, по-видимому, мы с ней окажемся в сложных условиях. Мне хотелось предоставить вам возможность повидаться с ней.

– Где она? – Гейм вскочил на ноги.

– Ваша жена ждет вас на берегу. – Райт взглянул на часы. – Через минуту она будет здесь... – Он распрощался и направился к выходу. – Не забывайте о нас. Привет Гибсону. И Лайту.

Он быстро сошел на берег. На катер по сходням вбежала Чармиан.

Они стояли у стены каюты, прижавшись друг к другу, и под сильными его руками плечи Чармиан вздрагивали. Молча он поцеловал ее. Она подняла голову, легким движением отбросила назад густые каштановые волосы и посмотрела ему в глаза.

– Я не могу иначе, Стив...

Сейчас, когда над Чармиан снова нависла смертельная опасность и Гейм, зная об этом, ничего не мог поделать, – он испытывал безмерное страдание.

Усилием воли они оторвались друг от друга. Кажется, он не произнес ни слова. Он поднимался вверх по набережной и никак не мог решить – кто же из них двоих оказался сейчас сильнее.

Рассекая волны, катер быстро уходил прочь.

Глава седьмая

Разработку операции «Шедоу» Грин получил от Харвуда давно, но до сих пор работа по осуществлению этой агентурной операции проводилась им ни шатко ни валко – исподволь накапливались материалы и создавались возможности к решительному броску вперед по знаку, который должен был дать Харвуд. И вот, очевидно, наступила пора действовать – его срочно вызывали. Он покинул Москву, в поезде проехал через Польшу и Германскую Демократическую Республику, пересек границу с ФРГ... Из Франкфурта-на-Майне вылетел в Штаты.

В военно-транспортном самолете Грин задумался... Годдарт перешел советскую границу благополучно, следовательно, наступила пора решительных действий, однако его, Грина, зачем-то именно в это время вызвали к высокому начальству, предупредив, что он покидает Советский Союз на продолжительный срок. В действиях Харвуда было на этот раз что-то такое, чего Грин не мог понять. Интуиция старой ищейки говорила ему также и о другом – в проведении операции «Шедоу» Аллен Харвуд всего-навсего играет роль подрядчика, – хозяин кто-то другой. Кто же он, кому нужна эта сложная и опасная игра в жизнь и смерть? Это отнюдь не праздный вопрос: карьера Грина таким образом будет отныне, по-видимому, определяться в первую очередь не Харвудом, а кем-то другим, кого он даже не знает.

Предчувствие старого разведчика оправдалось: после его пространного доклада чиф (шеф) приказал ему немедленно выехать на Гудзон, в Прайсхилл, к Уильяму Прайсу.

Вот, оказывается, кто заказчик! Грину стало не по себе, его пугали слухи об эксцентричности всесильного старика...

Случайность – вот что часто имеет огромное значение. Гейм встретил Грина случайно, когда тот выходил из кабинета Прайса, но летчик обратил внимание на эту встречу с высокопоставленным разведчиком не случайно – он следил за Прайсом и его посетителями. Грина же Гейм встречал прежде в штабе американских войск в Западной Германии и отлично знал, чем тот занимался.

Летчик мог лишь гадать о характере беседы, только что состоявшейся в кабинете «короля урана». А беседа была продолжительная и к тому, что занимало и Гейма и Финчли, имела непосредственное отношение.

Некоторое время сидели молча, – старик откровенно изучал своего гостя, Грин поневоле потупился.

– Я просил мистера Харвуда дать мне возможность встретиться с вами, – заговорил наконец Прайс. – Я хотел посмотреть на вас поближе, чтобы составить мнение – можете ли вы выполнить мое задание.

Грин напряженно думал: вот оно – началось, сейчас решится его, по крайней мере ближайшее, будущее!

Прайс продолжал:

– Хорошо, что вы здесь, я имею возможность лично проинструктировать вас. Я внимательно следил за вашей работой в Москве, – вы пока что не повторили ошибок Шервуда, но у меня нет полной уверенности, что у вас все пройдет гладко, – «король урана» с откровенным сомнением посмотрел на разведчика. – Во всяком случае, попробуем... – Он помолчал. – Я намерен сегодня сказать вам о смысле всей нашей затеи с «Шедоу», тогда вы легче разберетесь, что и как нужно побыстрее освоить до отъезда в Советский Союз. Учтите, как только вы снова окажетесь там, вам придется немедленно всеми средствами форсировать дело.

Грин осторожно заметил:

– Мне будет очень трудно – едва я проеду пограничную станцию, как советские органы безопасности могут взять меня под наблюдение...

Прайс неожиданно рассмеялся.

– Разведчики, – заговорил он презрительно. – Впрочем, скажу вам о том, о чем вы и сами могли бы давно догадаться: вызывая вас в Штаты, я этим самым хотел облегчить вам проведение операции «Шедоу».

– Не понимаю, – откровенно признался Грин.

– А между тем все ясно... Советские органы безопасности уверены, что вы в Штатах?

– Д-да... Конечно.

– Русские будут уверены, что вас нет, а вы уже давно есть. Понимаете, Грин, это даст вам – по крайней мере на некоторое время – свободу действий, вы станете незримы для чекистов.

Прайс торжествовал, воображая, что придумал гениальный ход, но Грин почувствовал себя не весьма хорошо: в его мозгу мгновенно, как в калейдоскопе, замелькали одна ярче другой картины его будущего перехода через советскую границу – контрольно-следовые полосы, система скрытых препятствий, наряды солдат в зеленых фуражках, собаки, идущие по следу, по его – Грина следу... Ужасно! Вот она – ошутимая разница: одно дело руководить, и совсем другое – быть руководимым, да еще таким человеком, как Прайс.

– Но ведь в конце концов они обнаружат меня, – заметил Грин. – Как же в таком случае я объясню им свое появление на советской территории?

Прайс пренебрежительно махнул рукой:

– Если им удастся-таки вас обнаружить, – вы скажете, что вы никуда и не уезжали, документы на выезд в контрольно-пропускном пункте действительно оформили, но вместо того чтобы выехать с пограничной станции на запад, срочно вернулись на восток, в Москву. Только и всего. Мы переправим вас в Россию на подводной лодке с севера. Понимаете?

Грин кивнул, теперь все было ясно за исключением кое-каких деталей.

– Я хотел бы, чтобы вы ясно представляли себе всю сложность проблем, связанных с «Шедоу», – продолжал Прайс. – Я как-то уже говорил, что Советский Союз – это атомная крепость, которую нам не взять. Не буду распространяться на эту тему, все это вы, наверное, понимаете не хуже меня. Подчеркну лишь: я твердо убежден, что в случае возникновения большой войны победителем выйдет тот, у кого будет превосходство в космосе... Наши деятели допустили большую ошибку, чрезмерно увлекшись лунными проектами... В завоевании превосходства в космосе, того превосходства, которое однажды может решить нашу судьбу, достижение Луны не имеет большого значения.

Русские оказались практичнее нас, пока мы возились с сенсационными полетами на Луну, они кропотливо работали над созданием управляемых людьми, советскими людьми, Грин, – космических станций. Сейчас мириться с подобным положением уже нельзя! Я должен помешать им, дорога каждая минута... Вы меня понимаете, Грин?

– Да, да, – Грин изо всех сил пытался догадаться: при чем тут Уильям Прайс, какое ему, собственно, дело до космических проблем, да еще в явно военном аспекте; на всякий случай высказал несколько соображений по поводу трудностей конструирования мощных двигателей, подбора топлива для них...

– Можно не сомневаться, что рано или поздно мы возьмем все эти барьеры. Однако, как говорится в пословице: «Надежда хороший завтрак, но плохой ужин», а ждать до бесконечности мне некогда, – заметил Прайс.

– «Если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, делай его сам», – Грин тоже вспомнил подходящую к случаю поговорку.

Прайс внимательно посмотрел на собеседника.

– Вы поняли меня правильно, – сухо сказал он. – Я и решил делать мое дело сам... Поэтому вам придется срочно провести операцию «Шедоу».

Грин боязливо встал:

– Это будет трудно, очень трудно, мистер Прайс. Конструкторы космических кораблей, ракет, двигателей, баллистических снарядов, ученые-атомники в Советском Союзе тщательно охраняются, даже имена большинства из них никому не известны.

Прайс зло усмехнулся.

– Не набивайте себе цену, – сказал он. – Пока что вам придется подобраться к тем специалистам, которых вы уже выявили по моему указанию. Да, да, это было мое указание Харвуду. Следует признать – вы с ним успешно справились, и сегодня я послал Харвуду чек для вас на крупную сумму – плата за умение и желание. Теперь осталось довести дело до конца, достать материалы о работе этих советских ученых – и вы получите от меня новый чек. Десятки тысяч долларов – разве они не нужны вам?

Грин вытянулся перед Прайсом, но тот, казалось, не замечал этого.

– Из того, что я только что говорил, – сухо продолжал он, – вы должны были понять – мне нужно время для того, чтобы опередить русских. Для меня лично это не только вопрос нашего престижа, хотя, вообще-то говоря, это имеет колоссальное политическое и психологическое значение, ибо чего бы ни достигли потом – пальму первенства мы у них отнять не сможем. Убедительный пример – полет Гагарина, русского, советского человека... Но для меня, повторяю, вопрос отнюдь не в престиже – околоземные орбиты должны занять посланные мной решительные парни, и тогда я сумею пригвоздить русских к земле, тогда я добьюсь превосходства в космическом пространстве. Вы должны помочь мне в этом... При проведении операции «Шедоу» не церемоньтесь, я даю вам полную свободу.

– Я выполню ваш приказ, сэр! – заверил Грин. – Боюсь только, что на проведение операции «Шедоу» уйдет больше времени, чем мне хотелось бы. Но прошу верить – я не потеряю ни одного дня, – поспешно заверил он.

Прайс с трудом подавил брезгливую улыбку: оказывается, Грин более жаден, чем он предполагал! Деньги, обещанные ему доллары, сделали этого человека готовым на все.

Прайс дернул за шнур, и тотчас в кабинете неслышно появился его телохранитель, обезьяноподобный гигант Скаддер, сутулый, угрюмый. По-видимому, этот субъект во время беседы Прайса с Грином находился здесь же, за портьерой. Зачем он там прятался? Должно быть, в Прайсхилле заведен такой порядок. Прайс сказал Скаддеру:

– Проводи его, – он указал на Грина, – к мистеру Джонстону.

У самого выхода Грин столкнулся с Геймом, о котором не имел ни малейшего представления. Но летчик-то отлично знал его! Грин у Прайса? Стало быть, задумана какая-то новая грязная интрига.

С непроницаемым лицом Гейм переступил порог кабинета. «Король урана» возбужденно шагал из угла в угол. Летчик в ожидании остановился неподалеку от двери.

Словно очнувшись, Прайс посмотрел на пилота, собираясь с мыслями. Гейм сказал:

– Вы звали меня.

– Да, да... – и снова будто забыл о его присутствии. Неожиданно спросил: – Вы много думаете о возможной войне, капитан?

Гейм ответил уклончиво:

– Не больше других.

Прайс продолжал метаться по кабинету.

– Нас преследует рок, – заговорил он, собственно не адресуясь к летчику. – Мы, Прайсы, помогали Гитлеру, толкали его на войну с Советами, но Советы разгромили Гитлера... Мы мечтали пустить в ход против Советов атомную бомбу, но опоздали. Мы создали водородную бомбу, но оказалось, что русские создали ее и раньше нас и лучше. Мы подняли истошные крики о необходимости добиться мирового господства с помощью превосходства в космическом пространстве, распродали с молотка все известные нам планеты, призывали послать в космос «летающие крепости», но не мы, а Советы первыми построили искусственные спут-

ники Земли и первую в истории космическую ракету, которая стала спутником Солнца, они первыми послали в космос человека... Мы окружили Советский Союз военными базами, оснастили эти базы ракетным оружием с атомными и водородными зарядами, но русские создали межконтинентальную баллистическую ракету, которой они в случае необходимости смогут не только уничтожить наши базы, но и нанести удар непосредственно по территории Штатов. Что же дальше? Пока мы возимся с Луной, они захватят околоземное космическое пространство! – Прайс умолк, провел ладонью по лбу. Гейм заметил:

– Межконтинентальные ракеты есть и у нас, и их много.

– Межконтинентальные баллистические ракеты? – лицо старика исказилось в гневе. – А зачем они нам? Советскому Союзу они нужны в качестве необходимого противовеса нашим военным базам в Европе, Азии, Северной Америке и для нанесения ответного удара по нашей территории. А зачем такие ракеты нам? Достать нужные нашим военным районы Советского Союза они давно могли бы с наших баз где-нибудь на Окинаве или в Англии. Наличие межконтинентальных баллистических ракет у нас лишь усиливает опасность ударов непосредственно по территории нашей страны, капитан.

– Возможно.

Прайс сказал:

– Наш вылет придется пока отложить.

– Слушаюсь, сэр, – летчик откланялся и вышел.

Глава восьмая

Всю ночь по крыше барабанил дождь. На рассвете Годдарт вышел из сарая, осмотрелся. Небо уже неделю источало влагу, земля пружинила под ногами, с ветвей деревьев стекали крупные капли воды. Окрест, до самого горизонта, над полями и перелесками, над взопревшей весенней землей колыхался туман. Он то непроницаемой пеленой опускался до самой травы, то слегка поднимался, и тогда было видно недалекое село, с острыми гребнями крыш и колодезными журавлями. От домов разбежались кудрявые яблони, приземистые, смутно различимые от сторожки лесника и от сарая, в котором Годдарту пришлось коротать долгие часы вынужденного безделья.

За все дни Годдарт не перемолвился с хозяином сторожки и парой слов, – не знал, кто тот, осведомлен ли, что собой представляет гость, впрочем, вряд ли, наверное, его уверили, что Годдарт всего-навсего неудачный мошенник, вынужденный временно скрываться от преследования уголовного розыска. К какому виду агентов принадлежит давший ему приют человек? Чутье старого разведчика безошибочно говорило: к злосчастной категории «грешников»: когда-то человек совершил преступление, – об этом пронюхали в разведке Харвуда, стали шантажировать, запугали разоблачениями и завербовали. Ну а после того как завербовали, ему уже ничего не оставалось, кроме как безропотно выполнять волю новоявленных хозяев и все время дрожать от страха быть в конце концов разоблаченным. У него, конечно, есть хороший выход – явиться с повинной в органы государственной безопасности, но не хватает для этого силы воли.

Годдарт уходил от границы в глубь нашей территории, петляя, как заяц. Он должен был пробраться в Москву, но маршрут, разработанный Грином, пока что уводил его в сторону, все больше ему приходилось забираться на север. Годдарт иногда чертыхался, сознавая, что каждый лишний километр увеличивает опасность «засыпаться», однако изменить маршрут он никак не мог – тогда нарушились бы какие-то сроки, планы, связанные с его тайным путешествием к Москве. Но сейчас он должен пробраться в Ленинград и там притаиться на некоторое время. О том, где и у кого поселиться, он узнает из письма, которое ожидает его в одном из ленинградских почтовых отделений до востребования на имя Бориса Львовича Егорова.

Годдарт вынул из кармана паспорт, диплом, справку. Как будто все в порядке – отныне он доцент и кандидат физико-математических наук товарищ Егоров.

Справа – темно-серые приземистые колоннады Казанского собора, слева – внушительное здание Дома книги. По Невскому спешили толпы пешеходов, бежали автобусы, автомобили. Годдарт поднялся на второй этаж Дома книги, неспешно переходя от одного отдела к другому, ему нужно было убить время. Он старался определить, нет ли за ним слежки, но ничего подозрительного не обнаружил. Потом снова вышел на улицу...

За витринами Гостиного двора виднелись толпы покупателей. Годдарт прошел мимо этого огромного магазина, остановил такси и поехал по Невскому в сторону Васильевского острова.

Годдарт плохо знал Ленинград. Ему всегда было не по себе, если он заранее не представлял, что увидит за следующим поворотом, для человека его профессии такое отношение к незнакомому месту вполне понятно. Но сейчас, пока шофер добросовестно колесил по линиям и бульварам Васильевского острова, Годдарту занимало иное: из письма, полученного им до востребования, выяснилось, что женщина, к которой Грин направил его, агентом Харвуда не является... Так в чем же дело, почему резидент разведки уверен, что именно квартира Тамары Лиховой будет самым подходящим местом, в котором можно на время спрятать Годдarta? Ответа на этот вопрос в письме Грина не оказалось. Правда, кое-что можно было заключить

из другого письма, которое следовало вручить Лиховой, но всего этого мало, весьма мало для того, чтобы решиться доверить свою жизнь неизвестно кому!

Было уже совсем темно, когда, добравшись до Острова Декабристов, отпустив такси, разведчик пошел дальше пешком, на ходу разыскивая номер нужного ему дома. Нашел. Поднялся по полутемной, тесной, заваленной стружками и опилками лестнице и остановился у двери, на которой по соседству со звонком была прикреплена небольшая дощечка. Из надписи следовало, что звонок не работает, и предлагалось стучать. Годдарт тихо постучал. Дверь открылась, и перед ним предстала женщина с обрюзгшей физиономией, подстриженными волосами, одетая в потрепанные сатиновые брюки и невероятно широкий черный свитер.

– Егоров, – представился Годдарт и приподнял шляпу.

– Борис Львович! Заходите, пожалуйста, я ждала вас.

Пока Годдарт снимал в передней плащ, хозяйка успела на кухне поставить на газ чайник.

– Сейчас будем пить чай, – сказала она, – угощу вас вареньем моего собственного изготовления.

Годдарт поблагодарил и протянул письмо.

– От отца Геронтия.

– Знаю, знаю – вы его родственник. Отец Геронтий – о!! Это же святой человек! – лицо Лиховой исказилось в подобострастии, отчего рыжие пятна на нем выступили еще ярче. – Я бываю так счастлива, когда мне удастся исповедоваться у отца Геронтия!

Годдарт надеялся, что ему удастся остаться одному, отдохнуть, сбросить с себя нервное напряжение последних дней, однако получилось иначе. Пришла женщина средних лет, остроносенькая, с бегающими серыми глазами на упитанном лице. Лихова представила ей Годдарта в качестве близкого родственника отца Геронтия. Женщина была расстроена отказом сына пойти учиться в духовную семинарию.

Она сокрушалась:

– Что ты, говорит, мама, с ума сошла: мои товарищи будут космические ракеты, спутники запускать, на другие планеты собираются, а я пойду на попа учиться! Ни за что, говорит!

– Ты у отца Петра была, что он посоветовал? – озабоченно спросила Лихова.

Отец Петр, священник из церкви, которую Лихова почему-то именovala «пасхой с куличом», оказывается, погорчался-погорчался да и махнул рукой на парня – нельзя же силой на него воздействовать, но мать еще не хотела сдаваться, размышляла, как бы все-таки уломать юношу, за тем и к Лиховой пришла.

Пока женщины обменивались соображениями, Годдарт встал из-за стола, прошелся по коридору, размялся.

Облик Лиховой становился ему теперь понятнее, он даже пошевелил губами, не в силах справиться с удивлением: прожить всю жизнь среди советских людей и остаться вот такой, какая она есть, – это же надо уметь!

У Годдарта мелькнула мысль: а вдруг ему придется долго общаться с ней... Он возвратился в комнату, уселся на диване и стал внимательно слушать. Говорила почти исключительно Лихова.

– Мы живем по закону всемирного безобразия, – соловьем разливалась она, – и если еще отречься от существования потусторонней загробной жизни, то что же нам остается! Тогда я первая – веревку на шею... – у нее неожиданно краснели глаза, но Годдарт отлично понимал, что все это игра; уж эта-то ни при каких обстоятельствах вешаться не станет. Она явно кокетничала перед посетительницей, говоря, что у нее имеются свои, персональные, не только садовник и шофер, но и духовник, к которому она систематически ходит на исповеди, то в «кулич и пасху», то в Никольский собор.

– Да, да, – торопливо соглашалась женщина, – что-то есть свыше нас, над нами, – она вопросительно смотрела на Годдарта, желая убедиться, что тот не смеется над ней. Годдарт чув-

ствовал себя как в зверинце: Библию, Евангелие, псалтыри, молитвенники, которые он заметил и на столике и на этажерке, он не ожидал встретить здесь так скоро.

После ухода врачихи Годдарт прямо спросил хозяйку, не думает ли она о том, чтобы уйти от мира, где всё суета, в тихую обитель, в монастырь. И тотчас почувствовал, что допустил промах. Лихова, внимательно посмотрев на него, сказала:

– Да, конечно, разве отец Геронтий не говорил вам об этом?

Отец Геронтий, естественно, ничего Годдарту не сообщал, и это поставило его теперь в щекотливое положение.

– Он что-то упоминал, – осторожно увильнул разведчик.

Лихова вышла в другую комнату и принесла оттуда пачку писем. Оказывается, кроме бесчисленных святых отцов, о которых Годдарту довелось услышать в этот вечер, у этой странной ученой была еще уйма друзей и другого сорта: святые «матери» и «сестры», весьма ей близкие и, по ее словам, «вещие». Вот через них-то и велась главным образом переписка с Ясногорским монастырем, но все дело упиралось, как понял разведчик, в жадность возмечтавшей о тихой обители мирянки Лиховой – она никак не могла придумать что-нибудь такое, что позволило бы ей пользоваться такими атрибутами суетного мира, как ее автомобиль «Москвич» и дача за городом. Отец Геронтий, кажется, нашел приемлемое для нее решение – она пока будет «послушницей в миру»: и не в монастыре и в то же время подчиняться его приказам. Знать об этом, понятно, никто не должен – отец Геронтий наложил на нее строгий обет молчания. Вот оно что – «послушница в миру»! Ловко сработано, ничего не скажешь. Теперь Годдарту стало ясно, здесь ему можно прятаться столько времени, сколько будет необходимо до отъезда в Москву, до сигнала, который он получит от Грина. Тут он может устроиться по своему усмотрению, от имени неведомого ему отца Геронтия, командуя этой выжившей из ума ханжой.

Под монотонное бормотанье Лиховой, читавшей ему письма из монастыря, Годдарт стал думать о своем и неожиданно вздрогнул: перед его мысленным взором предстали красавица Сатановская, пани Мария, потом полянка в лесу, труп убитой им женщины и советский офицер-пограничник... Почему он, Годдарт, уверен в его, офицера, смерти, убежден в его гибели от первого выстрела из-за куста? В тот момент ему казалось, что все в порядке, но вот по прошествии некоторого времени Годдарт отчетливо понял: не выстрелив еще хотя бы раз, он допустил ошибку. Почему же он все-таки не задержался тогда в лесу, не удостоверился в смерти пограничника? Должно быть, потому, что очень спешил, боялся опоздать на свидание с посланцем Грина, ведь если бы тот уехал, не дождавшись его, Годдарт наверняка попал бы в руки чекистов. А теперь он не мог обманывать себя – полной уверенности в том, что ему удалось тогда отправить пограничника на тот свет, у него не было.

Появление Годдарта в Ленинграде не было случайностью. После того как условленный срок возвращения женщины-проводника миновал, Сатановская взволновалась: похоже было на провал. Если та живой попала в советскую контрразведку, то кто знает? – может и не выдержат, испугаться, и тогда сотрудники органов безопасности немедленно появятся на маршруте «Дрисса», а сюда, в дом с каланчой-мезонином придут солдаты и офицеры польской пограничной охраны. И тогда конец! Доллары, положенные на ее текущий счет в лондонском банке, получать будет некому.

По одной ей известному каналу шпионской связи срочно сообщила своим шефам о случившемся и просила дальнейших распоряжений.

Сатановской почему-то казалось, что уж теперь-то, когда ей явно угрожает опасность, ей прикажут перебираться на Запад. Однако приказ пришел совсем иной – она должна до последней возможности оставаться на месте. Стало быть, ее обрекли! Страх впервые за последние годы охватил молодую женщину, страх, который уже не могло заглушить вино.

Шли дни, на маршрут «Дрисса» чекисты, кажется, не стали, но сообщение Сатановской сделало свое дело: на всякий случай Годдарту запретили приближаться к советской столице. Тревожная мысль, мелькнувшая в голове Годдарта в первый вечер его нелегального пребывания в квартире Лиховой, к резиденту пришла значительно раньше: советский пограничник все же мог выжить и сообщить властям о том, что кроме обнаруженной возле него убитой шпионки был еще и мужчина. А в таком случае органы безопасности примут все меры к тому, чтобы перекрыть пути-дороги на вероятных направлениях продвижения лазутчика из-за кордона, и естественно предполагать, что в первую очередь под строгий контроль они возьмут коммуникации, ведущие к Москве.

Трудно предположить, чтобы агент, направляющийся в Ленинград, стал пробираться через границу где-то в районе Белоруссии – именно поэтому и направился Годдарт на некоторое время в Ленинград.

Но была и еще одна очень важная причина, по которой приезд Годдарта в Москву являлся пока что нежелательным. Грин отлично понимал значение операции «Шедоу», ту ответственность, которую возложил на него Харвуд, и разработал свой план действий засланного Харвудом в нашу страну очередного помощника. По этому плану Годдарт одновременно с пребыванием в Москве под надежным прикрытием должен был получить и возможность, не откладывая в долгий ящик, приступить к делу, к тому самому «делу», из-за которого его и перебросили на советскую землю. А это требовало подготовки, на которую уходило много времени. К моменту перехода Годдартом советской границы подготовка не была еще завершена. То обстоятельство, что по вызову Уильяма Прайса и Харвуда Грин временно покинул территорию Советского Союза тогда, когда Годдарт еще пробирался к Ленинграду, не меняло положения, – у Грина имелся помощник, он-то в соответствующий момент и дал Годдарту сигнал отправляться в Москву. Однако до этого сигнала прошло немало дней.

Глава девятая

Среднего роста, плотный, упитанный мужчина под пятьдесят, с застывшей на лице благожелательной улыбкой рубахи-парня – таков Михаил Борисович Рахитов. Говорит негромко, рассудительно, а если с кем-либо один на один, то приглушенным, дружественно-сюсюкающим шепотком.

Рахитов держался скромно. Начальство было довольно покладистым ответственным товарищем. Потом оказалось, что Рахитов защитил диссертацию по дисциплине, не имеющей ничего общего с его работой, и получил ученое звание кандидата наук.

Полученная ученая степень принесла Рахитову свои плоды по службе – как-никак, в анкете Рахитова появился увесистый довод к тому, чтобы при первой же возможности продвинуть его выше по служебной лестнице. И такой момент наступил. К тому времени Рахитов числился в должности помощника заведующего отделом. Неправильное отношение руководителя отдела к сотрудникам привело к протесту, к резким столкновениям. Рахитов делал вид, что держится в стороне, в разговорах с сотрудниками один на один осуждал недостойное поведение начальника, однако открыто против него не выступал под тем предлогом, что, мол, поскольку он является его помощником, то руководители учреждения могут обвинить Рахитова в разжигании склоки, в стремлении «подсидеть». Приказом по учреждению прежний начальник был освобожден от занимаемой должности, а на его место назначен Рахитов. Сотрудники восприняли это назначение с радостью. Рахитов разводил руками: «Какой я зав? Я же ничего не знаю!» Он не прибеднялся – сидя за закрытой дверью своего кабинета, действительно ухитрился ничего не знать, даже о том, что касалось непосредственно дел, которыми он официально занимался уже в течение ряда лет. Рахитов видел наступающее у сотрудников разочарование им и решил принять меры. На вопросы и замечания недовольных его деятельностью руководителей учреждения он теперь неизменно отвечал, что-де ему «не с кем работать», что прежний руководитель подобрал исключительно угодничавших перед ним, неспособных и неквалифицированных людей, которые, мол, устраивают ему, новому начальнику, тайную обструкцию. Не поняв хитрого хода своего протеза, начальство дало согласие на увольнение и переброску неугодных Рахитову людей, – так начался разгром коллектива. И первым, кого выжил Рахитов, был Василий Прокудин, старый коммунист, пользовавшийся уважением за знание дела, принципиальность и отзывчивость, тот самый Прокудин, который фактически вместо него выполнял всю работу по руководству отделом. Теперь от Прокудина следовало избавиться, его присутствие было опасно – этот не станет молчать, видя бездарность и ошибки нового зава. В расправе с Прокудиным Рахитову помогла и случайность: нашлись люди, давно затаившие на Прокудина обиду за когда-то где-то сказанное тем прямое слово. Теперь они решили, что настала пора проучить строптивого сотрудника, и уволили его, снабдив при этом прекрасной характеристикой – видимость объективности была соблюдена. Прокудин попытался пожаловаться, но – иногда и так бывает – лишь нажил себе этим новых недоброжелателей. В конце концов все решал Ананий Федорович Баранников. А уж Рахитов постарался представить Прокудина в самых мрачных красках, как человека неуживчивого, склочного, высокомерного. Ананий Федорович принял решение. Рахитов торжествовал. Мог ли он представить, что, роя яму Прокудину, тем самым роет могилу самому себе. Но жизнь сложная вещь, случилось именно так.

Высокое служебное положение еще больше вскружило Рахитову голову. Он упивался достигнутыми в жизни успехами, карьерой.

Кое-кому из оставшихся в отделе старых сотрудников довелось случайно побывать на квартире Рахитова, оказалось, что всегда скромно, почти бедно одетый, он живет в роскоши,

добытой одному ему известными средствами, – ковры, хрусталь, картины, антикварные безделушки...

Положение обязывало, и, разыгрывая из себя ценителя искусства, Рахитов довольно часто посещал театры, концертные залы.

Это, конечно, музыка Моцарта... Нет, пожалуй, Лист. Очнувшись от размышлений по поводу своих служебных дел, Рахитов пытался угадать, чье именно произведение он слушает. Угадать оказалось нелегко, сначала потому, что, несмотря на все его старания, он так-таки и не сумел проникнуть в музыкальное искусство настолько, чтобы узнавать великих композиторов по их манере, по стилю, а затем совсем по другой причине, к музыке не имеющей никакого отношения, – перед его взором всеми цветами радуги переливались бриллиантовые серьги, массивные и в то же время изящные, выполненные в оригинальной форме. При каждом повороте головы незнакомки, сидящей впереди него, бриллиантовые грани искрились, как снег на морозе. И где только она могла достать такую красоту? Рахитов окончательно забыл о Моцарте и о Листе. Он хотел слегка подтолкнуть локтем сидящую рядом с ним жену, но, взглянув на нее, увидел, что толкать ни к чему – та буквально впиалась глазами в бриллиантовые украшения. Она, видимо, хотела что-то сказать мужу, беспокойно ерзала на месте. Но Рахитов и без слов понимал ее: следует как-то выяснить, где и как можно достать такие же серьги, и, не откладывая в долгий ящик, приобрести.

В антракте незнакомка направилась в буфет – она оказалась молодой, обаятельно-красивой. Пока чета Рахитовых ломала голову над тем, как бы потактичнее заговорить с ней, проблема разрешилась сама собой: они очутились за одним столиком.

Тщеславие любой женщины бывает удовлетворено вниманием, которое к ее одежде, нарядам проявляют другие, – Ирина Петровна не составляла исключения. Видя в жене Рахитова истинную ценительницу прекрасного, она решила пойти на жертву – расстаться с другой парой серег. Рахитов осторожно заметил, что, по-видимому, бриллиантовая вещь стоит дорого, но на лице его жены появилось такое страдальческое выражение, что он предпочел замолчать. Они долго еще болтали о том, о сем, а после концерта Рахитов в своей машине отвез Ирину Петровну к Покровским воротам. Договорились встретиться на следующий же день. Ирина Петровна многозначительно улыбалась, супруга Рахитова, поглощенная мечтой о серьгах, ничего вокруг не видела, а сам он никак не мог разгадать, чего в молодой красавице больше – наивной общительности или возможной доступности. Его к ней влекло, в этом он не мог себе не признаться.

Встреча состоялась на даче Ирины Петровны, в полсотне километров от Москвы. Каких только редких вещичек у нее не было! Рахитовы ходили из одной комнаты в другую, затаив дыхание от восторга и неожиданности, потом пили приготовленный хозяйкой чай и снова вели бесконечные разговоры о пустяках, каждый на свой лад стремясь закрепить наметившуюся дружбу.

К проданным бриллиантовым серьгам Ирина Петровна, в виде подарка, приложила пару каких-то необыкновенных чулок и нейлоновую кофточку.

Еще по дороге на дачу Рахитов обдумывал, как бы побольше узнать о новой знакомой, однако спрашивать ни о чем не пришлось: на стене гостиной он увидел портрет человека, перед которым трепетал, – самого Анания Федоровича Баранникова. Оказалось, что Ирина Петровна – племянница Анания Федоровича, а так как отца ее убили на фронте, то она является как бы дочерью его, почти постоянно видится с ним и в данное время очень обеспокоена состоянием здоровья дяди – у Анания Федоровича инфаркт. О том, что Баранников лежит с инфарктом, Рахитов знал, и теперь он осторожно постарался вывести – не помешает ли Ананию Федоровичу болезнь возвратиться к исполнению обязанностей. Молодая женщина успокоила гостя и обещала завтра же рассказать Баранникову о приятном знакомстве с его подчиненным, но

Рахитов постарался отговорить ее от этой затеи: мало ли что может подумать Ананий Федорович.

С этого времени Рахитовы часто встречались с Ириной Петровной. Тимур – единственный сын Рахитова – аспирант одного из институтов, молчаливый, не очень-то жаловал молодую женщину, ставшую своей в их семье. Для такого настороженного и не весьма любезного отношения к ней у Тимура были основания. Во-первых, он любил Марину Нарежную, студентку, и опасался, что любимая им девушка неправильно истолкует визиты Ирины Петровны в его квартиру; во-вторых, он видел то, чего не видела его мать: она была искренне убеждена, что вся дружба с племянницей Баранникова основывается на общей для них страсти к скупке дорогих вещей и на расчете мужа через племянницу стать поближе к всемогущему начальнику.

Вдумчивый и неглупый парень, он не мог не обратить внимания на какую-то искусственность в столь внезапно вспыхнувшей дружбе. В самом деле, что могло быть у Ирины Петровны общего с людьми, по крайней мере в два раза старших ее по возрасту? Что она тут ищет? Удовлетворения духовных запросов? Об этом не могло быть и речи. Рахитовы не такие люди, да и беседы-то всегда ведутся неизменно торгашески-меркантильного свойства... Преследует женские свои интересы? Но Рахитов, ей-же-ей, ничем не блещет, да и незаметно что-то, чтобы она спешила приблизить его к себе. А главное – подруга Тимура, Марина Нарежная, нервничала: частые визиты Ирины Петровны в квартиру Рахитовых мешали ей заниматься и портили отношения между молодыми людьми.

Однажды Ирина Петровна со смехом призналась: о завязавшейся дружбе с Рахитовыми она дядюшке все-таки поведала, и тот просил передать привет и приглашение посетить его, как только он выйдет из больницы. Рахитов рассыпался в благодарностях и постепенно, как-то незаметно для самого себя, стал видеть в молодой красавице частичку могущественного Анания Федоровича. Через Ирину Петровну Баранников обратился к Рахитову с доверительной просьбой – переслать ему служебную справку, затрагивающую некоторые секретные вопросы: он чувствовал себя теперь уже не так плохо и хотел бы продемонстрировать перед начальством, что, мол, «есть еще порох в пороховнице» и он вполне в состоянии приступить к своей прежней работе. Помочь Ананию Федоровичу в такой момент было для Рахитова крайне важно, тем более что именно с его ответственной должностью связывал он устойчивость своего собственного нынешнего положения и свою дальнейшую карьеру. Справку Ирина Петровна получила.

Знакомство с молодой женщиной доставляло Рахитовым и неприятные переживания – на редкие вещи, которые она им уступала, денег не было, и приходилось брать их под расписки, с обязательством уплатить при первой же возможности. Недавнему кандидату наук все еще казалось, что разговоры о деньгах ведутся ею несерьезно, поскольку – он был в этом абсолютно уверен – она отлично знает, что их отношения вскоре примут иной, более интимный характер, и тогда будет не до счетов. Если бы Тимур не избегал оставаться дома, когда там появлялась Ирина Петровна, он, возможно, заметил бы, что молодая женщина действительно стала флиртовать. Рахитов неожиданно для самого себя увлекся ею и, как обычно бывает в подобных случаях, мечтал о новом счастье, готовый произвести, если потребуется, полный переворот в своей личной жизни: в конце концов иметь молодую красавицу-жену и могущественного покровителя в лице ее дяди было бы не так уж плохо, размышлял он.

И можно представить себе его радость, когда, однажды позвонив ему на службу, молодая женщина попросила срочно навестить ее.

Автомобиль пробежал по мосту через канал Москва – Волга, свернул налево, миновал несколько больших селений и уткнулся радиатором в калитку знакомой дачи. Ирина Петровна была одна.

Они поднялись наверх, в ее крошечный кабинетик. По знаку хозяйки Рахитов опустился в глубокое кожаное кресло у письменного столика.

– Полагаю, пора бы окончательно выяснить наши отношения, – сказала Ирина Петровна с многозначительной улыбкой, присаживаясь к столу с другой стороны.

Наконец-то! Рахитов порывисто схватил ее руку и покрыл поцелуями.

– Мы не можем терять время на нежности, – услышал он неожиданно спокойный, насмешливый голос. Не понимая, Рахитов поднял голову и встретился с ней взглядом – в глазах женщины светилось нескрываемое презрение. – Я не та, за кого вы меня принимаете.

Он хотел сказать, что любит ее, что мечтает навсегда связать с ней свою жизнь, но слова замерли у него на губах – со страшной быстротой в ней произошла перемена, и теперь перед ним была как будто другая женщина, со строгим и даже враждебным выражением лица.

– Да, да, Михаил Борисович, вы не ослышались – я не та, за кого вы меня принимаете, я не Ирина Петровна, в родственных отношениях с вашим покровителем не состою и, между нами говоря, никогда с ним не встречалась.

Рахитов еще надеялся, что все это глупая, неуместная шутка.

– Кто же вы такая? – произнес он хриплым голосом, выдавшим его волнение.

– Я не Ирина Петровна. Мое подлинное имя Ирэн Грант. Полагаю, вам теперь все ясно!

Рахитов почувствовал что-то липкое, мерзкое под рубашкой – по всему телу выступил холодный пот. Капкан! Западня! Он еще не успел продумать создавшуюся ситуацию, но уже понял, что в эти минуты решается вопрос его жизни или смерти. Он вскочил на ноги.

– Вы понимаете, как я сейчас поступлю с вами? – спросил он со страшной злобой и взялся за створку закрытого окна.

– Да, конечно, – подчеркнуто учтиво ответила она. – Вы намерены сообщить вашему шоферу-коммунисту о том, что женщина, с которой вы связаны, оказалась шпионкой, агентом иностранной разведки? Уверяю вас, Михаил Борисович, чистосердечного признания будет совершенно достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для того, чтобы карьера ваша кончилась – как это по-русски? – раз и навсегда.

– Подумайте лучше о себе! – Рахитов не знал, как же быть дальше.

– Что же вы не зовете вашего шофера? – она явно издевалась над ним. – Вот что, господин Рахитов, пора кончать эту комедию. Никто вам не поверит, что вы не звали, кто я на самом деле. Ваши расписки на весьма значительную сумму – у нас. Спрашивается, за что же мы платим вам ценными вещами, бриллиантами?

– Шантаж! Провокация! – Рахитов заметался по комнате.

– Не шумите! – строго сказала она. – Мне поручено сказать вам, что справка по сугубо секретному вопросу, которую вы нам передали, оценена высоко самим мистером Харвудом.

– Ананий Федорович... – почти прошептал Рахитов, теряя голову от ужаса.

Она иронически рассмеялась.

– Не валяйте дурака, господин Рахитов. Вы отлично знали, для кого готовили справку. Ананий Федорович – ф-фу!.. Нет и не было никакого Анания Федоровича, он миф, придуманный вами. Может, вы вспомнили о его портрете, что висел на стене в гостиной? Разве вы не знаете, что любой портрет можно сделать со старого негатива? Мне так хотелось доставить вам приятное, вот я и заказала портрет вашего покровителя.

Он продолжал шептать сквозь стиснутые зубы:

– Знаете, как я с вами поступлю... что я с вами сейчас сделаю?

– Ровным счетом ничего, – сухо заметила она. – И давайте перестанем об этом болтать. Если вы вздумаете поднимать шум, то мы немедленно разоблачим вас: копии ваших расписок и секретной справки будут переданы в Комитет государственной безопасности. Вы сейчас соображаете, как бы выдать меня, не так ли? Но ведь вы тоже шпион. Могу сообщить вам вашу кличку – «Серый».

Он посмотрел на нее страшными глазами.

– Я убью вас!

Она спокойно произнесла:

– Но ведь это ничего не изменило бы – документы оказались бы в КГБ, и с вами все равно было бы покончено. Спокойно, спокойно – может ведь быть и другая развязка?

– Какая?

– Я сама пристрелю вас и объясню такой мой поступок необходимостью самозащиты. Должна же я защищать свою женскую честь, не так ли?

С губ Рахитова сорвалось проклятье.

– Что вы от меня хотите?

Она положила перед ним листок бумаги – это было обязательство работать на разведку Аллена Харвуда:

– Подпишите.

– Н-нет... – он забился в кресле и закрыл глаза.

– Тогда уходите отсюда, сейчас же уходите! – прошептала она. – Серый, я знала, что вы большой подлец, но что вы до такой степени трус – не предполагала. Вы сами губите себя. И зря – мне поручено передать вам, – нам нужна от вас еще только одна услуга. Только одна! Разве это не стоит всей вашей карьеры, всех благ, которых иначе вы можете лишиться? Подумайте хорошенько.

Рахитов в исступлении тряс головой отрицательно:

– Нет... Нет!

Ирэн Грант брезгливо сморщилась и рывком открыла дверь комнаты.

– Прощайте.

Он продолжал сидеть в кресле. Уйти? Куда? Ведь тогда жизнь для него кончится! Возможно, ему поверят отчасти, возможно, его и не посадят в тюрьму, но позор, невыносимый позор падет на его голову, – его выгонят с должности, у него отнимут высокий оклад, кабинет, автомобиль, отнимут ту жизнь, к которой он так привык и без которой уже не мыслил своего дальнейшего существования.

Женщина торопила:

– Уходите, у меня нет больше времени. Дрожащей рукой Рахитов вывел на документе свою подпись.

Ирэн Грант положила документ в ящик стола.

– Вам нельзя показываться вашему шоферу в таком виде, – сказала она. – Выпейте.

С трудом понимая, что он делает, бледный от невыносимого страха, он залпом проглотил стакан водки.

– Помните – только одна услуга, – затравленно прохрипел он.

– Не беспокойтесь, мы оставим вас в покое. Итак, дня через два-три к вам явится человек.

О, можете не волноваться – документы у него в полном порядке. Его фамилия Егоров, Борис Львович. Егоров от меня. Вы приютите его на время, только и всего.

– Хорошо, – Рахитов с облегчением вздохнул. – Я могу идти?

– Да, идите.

В дверях он на минуту задержался, с глубокой обидой шепнул:

– Вы жестоки со мной... Никогда за всю мою жизнь я ни с кем так бессердечно не поступал. Я всегда жалел человека.

– Да? – Она насмешливо вздернула брови. – А Прокудин?

Значит, и Прокудин – иностранный агент? Рахитов даже просиял при такой мысли. Ирэн Грант сказала:

– Вы ошибаетесь, Прокудин не наш человек. – В ее голосе была убедительная искренность, но ему так хотелось, чтобы сейчас она сказала неправду. Она, должно быть, поняла это.

– Если бы Прокудин был нашим агентом – я не назвала бы вам его имени, разве вы не понимаете таких простых вещей, Серый?

Он шел к машине скрипя зубами: значит, Васька Прокудин ходит в чистеньких! В то время как он сам...

– Едем! – буркнул Рахитов, открывая дверцу и залезая, против обыкновения, на заднее место – обычно он садился рядом с водителем.

Шофер включил скорость, Рахитов вдруг почувствовал, что его лихорадит, временами ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание – взять себя в руки ему никак не удавалось, и это его еще больше пугало.

...Годдарт-Егоров появился дня через три, на рассвете. Открывшая ему дверь супруга Рахитова с недоумением глядела, как ее муж лебезит перед незнакомым мужчиной с рыхлой физиономией и большой рыжей бородой.

– От Анания Федоровича, – шепнул ей Рахитов, – только ты никому ни гугу! Неудобно получится.

Тимуру Годдарт сказал, что работает в институте, приехал в столицу по делам и пробудет здесь, наверное, несколько месяцев. Молодой человек с неприязнью рассматривал незнакомца, морщился при звуках его скрипучего голоса и никак не мог определить, что связывает его отца с этим гражданином и почему все-таки Егоров поселился именно у них. Марина Нарезная ожила, – главное – почему-то сразу прекратились визиты Ирины Петровны.

Егоров целыми днями лежал на диване, курил, просматривал журналы, изредка куда-то ненадолго уходил, а по вечерам сражался с хозяином в шахматы. Рахитов уже начинал подумывать, что, собственно, зря он так перетрусил – не успеешь оглянуться, как пройдет какое-то время и Егоров исчезнет как дурной сон. Одна-единственная услуга, таким образом, будет оказана, его оставят в покое, и никто ничего не узнает. Но все оказалось по-другому.

– Закажите мне пропуск, – неожиданно сказал Рахитову Годдарт-Егоров, когда тот утром собирался ехать на службу. – Я буду у вас в три часа дня.

Это был приказ. Не желая в присутствии жены вступать в пререкания, Рахитов молча кивнул. Когда Годдарт появился в дверях кабинета, Рахитов приказал секретарю никого к нему пока не пускать, – будет занят с посетителем. Он был взволнован и взбешен бесцеремонностью гостя.

– Зачем вы приехали сюда? – резко сказал он. – Зачем ставите меня под удар? Это же риск!

– Ваше дело не рассуждать, а выполнять. Есть риск или нет его – об этом мы подумаем без вас. Давайте лучше не будем ссориться.

Рахитов хныкал:

– Теперь я понимаю, что моя судьба для вас ничего не значит, я – пешка, только и всего.

Годдарт задумчиво смотрел на него.

– Если вы будете такой мокрой курицей, я не смогу иметь с вами дела, – произнес он наконец, – а вы знаете, что это означает для вас?

– Выдадите меня КГБ.

– Не только это. – На физиономии Годдарта появилась гримаса, должно быть означавшая улыбку. – Мы уничтожим вас. И мы найдем способ сделать это быстро и незаметно.

Рахитова охватил страх, ему казалось, что Годдарт может умертвить его в любую минуту, вот сейчас. И Рахитов не сможет позвать на помощь – он же предатель! Только теперь, пожалуй, он понял, насколько запутался.

– Что вам надо, Егоров? – произнес он, стараясь не выдать своего волнения.

– Как вы знаете, Михаил Борисович, – заговорил ровным голосом Годдарт, – я инженер, специалист по созданию двигателей с использованием новых видов топлива. Другими словами – я специалист по созданию двигателей для межпланетных летательных аппаратов. Об этом

я вам уже говорил. В силу чисто семейных обстоятельств я оказался в Москве, где пробуду по крайней мере полгода, возможно – год. Мне не хотелось бы в течение всего этого времени бездельничать, отвлекаться от науки.

– Но при чем тут я? Вы же отлично знаете, что я не имею никакого отношения ни к атомной физике, ни к созданию космических аппаратов.

– Не перебивайте меня, – строго сказал Годдарт. – С нас достаточно того, что вы знакомы с профессором Желтовским.

– Чисто шапочное знакомство.

– Этого достаточно. Сейчас вы снимете трубку, – Годдарт указал на телефон, – позвоните ему, расскажете обо мне все, что я вам говорил, представите меня как вашего ближайшего родственника и попросите принять меня на работу в редакцию журнала «Космос». Кстати, вы можете сказать ему, что я неплохо пишу статьи о двигателях и так далее. – Годдарт вынул из своей папки аккуратно подобранные вырезки статей инженера Егорова и потряс ими. – Профессор легко может убедиться в справедливости ваших слов.

Вжавшись в уголок кресла, Рахитов молчал.

– Берите, берите трубку и звоните Желтовскому. Не бойтесь же! Редакция журнала, которым Желтовский руководит, – не секретное учреждение.

– А если он откажет?

– В таком пустяке-то? Не откажет, тем более вам, – заверил Годдарт. – Марка вашего учреждения слишком солидная. Звоните!

Рахитов позвонил профессору, – тот не отказал.

– Вот видите, я был прав, – сказал Годдарт. – Звонок этот кое-что значит. А теперь напишите рекомендательное письмо, по всем правилам. Ученые – народ рассеянный, Желтовский может и забыть о разговоре с вами, а это поставит меня в неудобное положение, – Рахитов подвинул к себе лист бумаги. – Нет, нет, – заулыбался Годдарт, – пишите на бланке, так убедительнее.

Рахитов написал. Годдарт тотчас же отправился к Желтовскому. А вскоре он уже вышел на работу в редакцию журнала «Космос»: инженер Егоров был зачислен на должность эксперта-консультанта.

Глава десятая

Первые лучи солнца пробились сквозь штору и светлыми пятнами расплылись по полу. Спать больше не хотелось. Грин накинул на плечи теплый халат и открыл иллюминатор. Дневное светило только что поднялось над кромкой горизонта, встало над океаном гигантским пунцовым шаром, обрамленным золотым венцом, от которого во все стороны, искрясь и переливаясь, устремились лучи: светлые, розовые, опаловые, цвета раскаленного металла... С востока, казалось, от самого солнца, к шхуне пала багряно-фиолетовая дорога, широкая, с размывами по сторонам, с невысокими волнами, белыми и темными, усеченными пенным кружевом.

Тишина – ничем не нарушаемая, прозрачная и абсолютная до звона в ушах.

Шхуну почти не качало. Грин курил и думал. Кажется, никогда за всю свою жизнь разведчика он еще не чувствовал себя так хорошо, успокоенно. Не хотелось двигаться, вспоминать о прошлом и терзаться сомнениями о ближайшем будущем. Но он понимал, что все это иллюзия, – от жизни, полной хлопот, риска и страха, никуда ему не уйти. Уильям Прайс, бесспорно, гений по части бизнеса, делать деньги умеет, но в делах разведки младенец. Он воображает, что Грина запросто можно «начинить» специальными знаниями за какие-нибудь несколько недель. Но Грин-то понимает, как тяжело придется ему, слушая лекции приставленных к нему Прайсом инженеров, математиков, физиков и даже астрономов. Однако не это сейчас тревожило разведчика. Прайс уверен, что он и Харвуд придумали великолепный трюк, отозвав Грина в Штаты, чтобы затем забросить его на территорию Советского Союза на подводной лодке с севера. Но ведь на деле-то эта затея гораздо сложнее и опаснее, чем она представляется Прайсу. Грин часами простаивал у карты СССР, внимательно рассматривая очертания побережья от Берингова пролива до Киркенеса. Где-то там, по замыслу Прайса и Харвуда, он должен будет выйти на берег. Но где именно? Это отнюдь не праздный вопрос. Высаживаться следовало лишь в таком месте, где можно было легко и убедительно объяснить советским людям свое появление. Объявись он в пустынной тундре, где каждый человек на виду, – и провал обеспечен. Затем – у Прайса получается все весьма просто: в случае, если Грина «засекут», он скажет, что с пограничной станции вернулся в Москву, ну и присочинит что-нибудь еще в зависимости от обстоятельств. Но ведь каждому здравомыслящему человеку ясно, что до какого-то момента Грину придется выдавать себя за русского – не может же он при встрече с советскими людьми на побережье Северного Ледовитого океана назвать свое настоящее имя! А раз так, то необходимо не только иметь документы на какого-нибудь Иванова или Петрова – это дело нетрудное, – но и подходящую легенду – биографию человека, под видом которого он будет какое-то время жить на советской земле. Ну а это обстоятельство, само собой понятно, крайне осложняет применение, в случае необходимости, версии о возвращении с пограничной станции в Москву. Итак, нужна легенда. Каждый работник разведки знает, какое значение имеет удачная легенда. Разведчик может быть весьма опытным, с железными нервами и исключительными актерскими способностями, но если легенда, которой его снабдили перед переброской через границу, окажется с изъяном, то рано или поздно он все равно будет разоблачен, схвачен и наказан.

Составление легенды – дело хлопотливое: надо успеть и суметь «подогнать» облик свой к сочиненному жизнеописанию – внешность должна соответствовать документам. После некоторых размышлений Грин пришел к выводу, что лично для него это в данном случае означает наличие специфического северного загара и мозолей на руках. Ни загара, ни мозолей у него, конечно, не было, а на приобретение того и другого требовались и время, и соответствующие условия. Увязать все это с лекциями людей Прайса будет вряд ли легко. Дальше, – как высадиться на советский берег, на чем? Прайс, вероятно, и не задумывался над таким вопросом, но Грин-то вынужден практически разрешить эту задачу, и задачу исключительно трудную.

Пограничная охрана, пункты наблюдений, морские посты зорко охраняют советскую границу и подступы к ней. Эту линию бдительности необходимо преодолеть. Но как: пересечь или миновать? В первом случае способ проникновения на советскую территорию, собственно, мало чем отличался бы от методов заброски агентов с любого другого направления, и тогда теряла бы свою специфику попытка переправить его именно с севера, со стороны Ледовитого океана. Значит, лучше всего придумать что-то такое, что позволило бы вообще миновать линию охраны советской границы. Грин отлично понимал, что капитан подводной лодки не станет рисковать и не подойдет к советскому побережью вплотную. Да и для Грина будет безопаснее, если лодка остановится на некотором расстоянии от берега, – больше шансов, что ее не заметят советские радары. Стало быть, борт подлодки придется покинуть где-то в открытом море, но как покинуть? Ласты и маска не подойдут – для далеких путешествий, да еще в ледяной воде Северного океана, они не годятся. Подводный скутер? Он сможет исправно доставить до берега, возможно, доставить незаметно для постов наблюдения, но ведь в таком случае, как только Грин выйдет бы из воды, он все равно сразу же оказался бы в руках советских пограничников. Скутер не давал ему возможности миновать линию советских застав и постов, расположенных на побережье. Требовалось что-то другое. Он вспомнил о самолете-амфибии инженера Дулиттла, но оказалось, что пользоваться этим летательным аппаратом пока что далеко не безопасно, его еще надо испытывать и испытывать. А где и когда? Времени у Грина было в обрез. Он хотел совместить приятное с полезным – на самолете-амфибии отправиться навестить тестя, – Люси никогда не простит ему, если он вернется из Штатов, так и не повидав ее отца. Однако самолет-амфибию пришлось отставить: оказалось, что Джозеф Боттом – метеоролог и климатолог – на этот раз забрался куда-то очень далеко от родных мест, где и возглавляет абсолютно секретную экспедицию. Для того чтобы добраться до него, следовало воспользоваться обычным армейским самолетом, летающей лодкой, – для «крошки» Дулиттла такая задача была бы не по силам. Вчера Грин прилетел сюда, на шхуну экспедиции мистера Боттома в глубине Атлантики, и вот теперь, под влиянием тишины и покоя здесь предается иллюзиям безмятежного существования. А вся работа – впереди, ждет его, и от нее не убежать. Операция «Шедоу» – серьезное дело, из-за нее легко можно остаться без головы. И медлить нельзя, получено сообщение, что Годдарт устроился-таки в редакцию журнала «Космос».

Грин, конечно, хорошо понимал, что ощущение охватившего его покоя – самообман, но ему так хотелось хоть немного забыться. В Нью-Йорке, когда он приехал туда после беседы с Уильямом Прайсом, он плюнул на все и отправился в ночной клуб: по такого рода удовольствиям, живя в Москве, он соскучился.

После нескольких бездумно-счастливых дней он поехал к отцу Люси – Джозефу Боттому...

Разведчик оделся и вышел на палубу. Утреннее солнце еще больше поднялось над горизонтом, но теперь оно стало менее величавым и радостным, темно-фиолетовая полоска облачка перечеркнула его пополам, в воздухе появилась почти незримая водяная пыль, сделавшая воздух тусклым и тревожным. С запада надвигались громады грозowych туч. Вокруг шхуны, на некотором отдалении от нее, виднелись сторожевики, несколько морских посудинок, напоминавших по их внешнему виду огромные стальные баржи, и авианосец, на палубе которого виднелись готовые к старту самолеты. Грин круто повернулся, чтобы идти в каюту тестя, и почти столкнулся с Геймом: «Так вот кто, оказывается, пожаловал сюда прошлой ночью», – подумал он, тотчас вспомнив, что встречал этого летчика у дверей кабинета Прайса на Гудзоне.

Известный писатель Артур Гибсон получил предложение от журнала «Тайм» отправиться в Атлантику, чтобы написать серию очерков о научной работе, которую там ведет метеоролог и климатолог Джозеф Боттом. В очерках следовало отметить гуманный характер и общечеловеческое значение проводимых ученым исследований. Гибсон был слишком умен, чтобы

не заподозрить ловушку, ибо знал – экспедиция Боттома была сугубо секретной, Гибсон пришел к выводу, что в данном случае предпринимается попытка использовать его доброе имя как прогрессивного писателя в неблагоприятных целях, но твердо решил не упускать представившуюся возможность проникнуть еще в одну тайну тех, кто мечтает о новой большой войне: кое-что об экспедиции Боттома ему уже довелось слышать. И он согласился поехать. Изредка меняя место, шхуна крейсировала неподалеку от европейских берегов, несколько в стороне от проторенных путей океанских лайнеров. Боттом встретил Гибсона со сдержанной досадой: затея журнала «Тайм» и льстила и в то же время мешала ему. Писателю стало ясно, что если бы не приказание свыше, Боттом немедленно удалил бы его отсюда. Гибсон интервьюировал ученого, долгими часами простаивал на палубе, думал. Разговаривать с ним экипажу судна было, по-видимому, строго запрещено, а ознакомиться с помещениями оказалось невозможно – всюду, должно быть, именно в связи с его пребыванием здесь, – на дверях красовались куски картона с предупреждением: «Посторонним вход воспрещен». Гибсон был тут единственным посторонним. Он наблюдал и терпеливо ждал, когда же сумеет все-таки проникнуть в то, что составляет самую суть деятельности экспедиции. За ту неделю, что он проторчал тут, кое-что интересное выяснить все же ему удалось – Боттом лгал, утверждая, что и он и его люди занимаются исключительно изучением температуры воздуха, силы и направления ветра, то есть тем, чем обычно занимается любой метеоролог. Гибсон делал вид, что верит, даже не спрашивал, почему в таком случае научно-исследовательское судно находится под бдительной охраной военно-морских сил. Гибсон надеялся, что рано или поздно найдется-таки возможность проверить возникшие у него предположения. Сегодня такой случай обещал представиться. Ночью прибыл сын Уильяма Прайса, его заместитель по руководству концерном «Интернешнл уран» – Гарольд. Тот факт, что он предпочел пожаловать сюда не на бомбардировщике, а на самолете отца, пилотируемом капитаном Стивеном Геймом, бесспорно свидетельствовал о том, что Гарольд Прайс не хотел, чтобы о его поездке было широко известно.

Гибсон и Гейм обрадовались неожиданной встрече. В сопровождении Боттома и Грина Гарольд Прайс на катере отбыл на авианосец. Летчик и писатель сидели у иллюминатора предоставленной Гибсону каюты на шхуне и беседовали.

– Вам удалось разобраться, что тут происходит, чем занимаются люди Джозефа Боттома? – осведомился Гейм.

– Кажется, да, – мрачно ответил Гибсон. – И я думаю – вам об этом тоже следовало бы знать. Некоторым американским ученым-метеорологам и военным очень хотелось бы научиться использовать циклоны, тайфуны по усмотрению Объединенного комитета начальников штабов. Появилась идея – с помощью атомной энергии изменить направление тайфунов. Насколько я понимаю, до существенных успехов в этом отношении еще весьма далеко. Но вот опыты, которыми занимается здесь экспедиция Боттома, ушли далеко вперед, и игнорировать их опасность для дела мира нельзя.

– Что это? – перебил собеседника Гейм, всматриваясь в то, что творилось по ту сторону иллюминатора.

От нависших над океаном тяжелых луч потемнело. С борта авианосца катапульты выбрасывали в воздух самолеты, другие взлетали с огромных стальных платформ, находящихся на некотором отдалении от шхуны.

– Наконец-то! – прошептал Гибсон. – Я так и думал...

– Что случилось, в чем дело? – спросил летчик встревоженно.

– Сейчас сами увидите. Идемте на палубу. Однако я не хотел бы, чтобы наш интерес к экспериментам мистера Боттома кому-нибудь бросился в глаза.

Они расположились на палубе так, чтобы с авианосца их не могли заметить.

Самолетов уже не было видно, лишь где-то высоко, за бурным кипением густых темно-синих облаков слышалось гудение моторов, становившееся все слабее. Самолеты ушли в западном направлении, в ту же сторону напряженно всматривались Гибсон и Гейм.

Прошло, наверное, не менее часа. Вокруг стояла сумрачная, ничем не нарушаемая тишина.

– Нет, нет, я не мог ошибиться... – сжимая поручни, тихо произнес Гибсон. – Они поднялись сегодня впервые после моего появления на борту этой проклятой шхуны. Надеюсь, что ему удастся быстро выкурить меня отсюда, Джозеф Боттом временно изменил программу работ экспедиции, но я ждал случая... Стивен Гейм – вы привезли мне этот случай.

– Гарольд Прайс? – догадался летчик.

– Да. Прайсу некогда долго ждать, и Боттом оказался вынужденным открыть карты, – приступил к проведению одного из тех опытов, ради которых он тут находится. Это – попытка наших военных разрешить еще одну проблему в деле использования метеорологии в военно-диверсионных целях... Вы слышите? – встрепнулся Гибсон.

– Да, они возвращаются, – сказал Гейм.

Один за другим самолеты пробивались сквозь тучи и поспешно, точно за ними гнались, шли на посадку. И тотчас пространство между плотной пеленой туч и поверхностью океана стало сначала седовато-серым, а затем темным – мгла пала на тихие волны, на корабли, водопады воды хлынули сверху с глухим шумом. Не было ни ветра, ни грома, ни молний, а вода все падала и падала сверху неисчислимыми тысячами тонн, тяжелая и холодная.

– Что это? – задыхаясь, произнес летчик.

Гибсон молча увлек его в свою каюту.

– Это же не гроза, – прошептал Гейм.

– Нет, – подтвердил писатель.

– Так вот чем занимается «научная» экспедиция Боттома... – Гейм стоял с искаженным в гнев лице и сжатыми кулаками. С его одежды на пол стекала вода.

– Да. Теперь вы понимаете, Стивен, в чем тут дело? Солнце гонит с юга раскаленный воздух Африки, над океаном он вбирает в себя массы влаги и в виде туч несет их на восток: над полями Поволжья, Украины и Белоруссии они прольются дождями, от которых зазеленеют всходы. Влага, которую приносят эти тучи, – залог хороших урожаев. Эти тучи несут хлеб миллионам людей на севере и востоке Европы.

– И мы проводим опыты, чтобы задержать эту влагу вот тут, над Атлантикой, чтобы голодом задушить русских, поляков, чехов, румын, венгров?

– Да, – подтвердил Гибсон, – мы хотим попытаться сделать именно это. Пострадает население и других стран: Германии, Дании, Швеции, Норвегии, но это не в счет, тем более что мы сможем выгодно продавать им излишки нашей пшеницы.

– Так вот почему экспедиция Боттома окутана такой тайной! – произнес летчик. – Какое варварство! Какая подлость!

– Вы правы, Стив, поэтому я здесь. Мне необходимо получить более подробные материалы.

Гейм с тревогой сказал:

– Вы сейчас в величайшей опасности, и опасность эту, сам того не подозревая, привез сюда я.

– Не преувеличивайте, Стив, – писатель постарался улыбнуться, – вообще-то говоря, раз уж мы с вами интересуемся тайнами тех, кто стремится так или иначе развязать новую войну, то от опасностей нам не уйти. Смотрите! – и он протянул руку к иллюминатору.

Шум падающей воды постепенно становился тише, мгла начала понемногу рассеиваться.

– Опыт заканчивается, и кажется, успешно, – заговорил Гибсон. – Скоро нам могут помешать. А я хочу, чтобы вы на всякий случай уже сейчас знали, в чем тут дело. Итак, слушайте, капитан Гейм...

Вот уже более четверти века действует некий «Комитет по изучению европейских проблем». Занимается он созданием средств массового уничтожения людей. Немало разрабатывается там ужасных средств, и вот еще в сорок восьмом году в качестве одного такого средства была названа и, казалось бы, сугубо мирная наука о погоде – метеорология. Что имел в виду этот «Комитет» и как можно эффективно в военных целях использовать метеорологию, мне стало ясно, когда профессор одного из университетов Уайдер предложил с помощью особых механизмов, установленных на наших кораблях в Атлантическом океане, сократить количество осадков в Европе, в первую очередь, конечно, в Восточной, а затем и в Азии – хотя бы наполовину. Это значило бы обречь страны Востока на систематические засухи, а людей в них – на голодную смерть. Другими словами, речь идет об управлении выпадением атмосферных осадков во вред «противнику» – вот это и составляет суть так называемой метеорологической войны, которую наши военные и иные ученые были бы не прочь вести в Европе. Метеорологическая война как одно из слагаемых большой войны, которую готовят наши вояки, могла бы и сыграть свою роль.

– Эта затея, на мой взгляд, наивна, – возразил Гейм.

– Отнюдь не наивна. Ты забыл о Вьетнаме – там ваши специалисты вызывали ливни, наводнения, тут у них другая задача – только и всего... – продолжал писатель. – И недооценивать их усилия было бы неправильно, капитан. Итак, я решил выяснить, в чем тут дело. Естественно, прежде всего меня интересовали те самые «особые механизмы», с помощью которых будто бы можно добиться засухи в Европе и Азии. Что это за механизмы? В пятьдесят втором году один из генералов НАТО в своей обширной статье коснулся проблемы метеорологической войны, над практическим изучением которой, по его словам, работают у нас, в Америке. Вся суть, утверждал этот генерал, в том, чтобы основательно напрактиковаться в получении искусственных осадков на колоссальном пространстве. Добиться успеха можно двумя способами. Один из них – распыление в облаках углекислого снега. Самолеты поднимаются в воздух, как они только что делали, и там, над облаками, рассеивают твердую углекислоту, которая вызывает переохлаждение и укрупнение водяных капель, а затем выпадение их в виде дождя. И небо чисто, как вот сейчас.

Действительно, тучи будто растаяли в висевшей над океаном водяной пыли, и теперь на небосводе не было ни единого облачка.

Гибсон продолжал:

– Да, да, Стив, знакомый вам углекислый снег – с его помощью иногда «делают погоду» над аэродромами. Все дело в объеме. Как вы только что могли убедиться, наши ученые вроде Боттома пытаются научиться обрабатывать не «пяточки» над аэродромами, а грозовые фронты порой до тысячи километров шириной и на сотни километров в глубину – это дело сложное!

Но есть еще и другой способ, и, как утверждает наш известный физик Форнегю, более перспективный – рассеивание в атмосфере дыма йодистого серебра. Действие частиц йодистого дыма то же самое, что и ледяных кристаллов углекислоты. Но у них имеется весьма существенное преимущество – они невидимы, поскольку их диаметр составляет всего одну миллионную миллиметра. Форнегю утверждает, что одного килограмма йодистого серебра абсолютно достаточно для того, чтобы «осадить» облачный слой протяженностью в четыреста километров. Протяженность всей облачности, которая движется с запада на восток, по широте составляет тридцать градусов, средняя скорость в течение суток – полторы тысячи километров. По расчетам Форнегю, для того чтобы в течение целого года задерживать всю эту влагу здесь, не пускать ее к большевикам, нужно израсходовать десять тысяч килограммов йодистого

серебра, – это, конечно, не так уж много. В НАТО поговаривают о том, что не за горами время, когда именно йод займет первое место среди стратегических материалов.

– Ну, я полагаю, до этого еще далеко, – заметил Гейм.

– Это-то и хотелось бы мне выяснить, – сказал Гибсон. – Я был прав, видите, они возвращаются на шхуну, – он кивнул головой в сторону иллюминатора.

От авианосца отвалил и направился к шхуне катер, на борту которого были видны Гарольд Прайс, Джозеф Боттом и Грин.

– Неужели с показом опытов они сегодня покончили? – усомнился летчик.

– Думаю, что нет, – скорее всего, это просто небольшой перерыв, – высказал предположение писатель. – Боттом еще не показал своему гостю в действии генератор, рассеивающий дым йодистого серебра.

– Вы не знаете, где находится этот прибор? – осведомился Гейм.

– Здесь, на шхуне, я уверен в этом. Через несколько часов Боттом сможет показать Прайсу свой генератор в работе, – самолетам не придется уже подниматься в воздух. Одна из важнейших особенностей прибора состоит в том, что его работу весьма трудно «засечь» – распыляемые им частицы йодистого серебра, повторяю, невидимы.

Друзья поднялись на палубу. Солнце шло к зениту, набирало силу, играло в мелких, спокойных волнах.

Гарольд Прайс уединился с ученым, Грин пошел в буфет.

– Трудная задача перед Джозефом Боттомом, – усмехнулся Гибсон, – обратить этого бульдога в свою веру ему вряд ли удастся. Насколько я понимаю, Гарольд Прайс прилетел сюда для того, чтобы на месте разнюхать, что к чему – он опасается конкуренции новых отраслей военной промышленности. Прайс должен выбрать – влезать ему в метеорологию или игнорировать ее, продолжать держаться исключительно за атомные и водородные бомбы. Сомнительно, чтобы красноречие Боттома имело при этом сколько-нибудь большое значение.

Часа через полтора над кромкой океана на западе появились бесформенные фиолетовые и темные наплывы, где-то собирались новые массы туч, – солнце продолжало гнать сюда из Африки раскаленный воздух тропиков.

После обеда многослойная облачность полностью закрыла небо, снова стало сумрачно и душно. Гейм видел, что его друг чего-то с нетерпением ждет. Внезапно где-то совсем рядом послышался странный шум, – должно быть, заработали мощные насосы.

– Включили генератор, – сказал Гибсон.

Снова время потянулось в ожидании. Примерно через час повторилась прежняя история – тучи с невероятным шумом упали в океан, и на небе по-прежнему засверкало солнце.

– Все! – произнес Гибсон, вставая. – Что вы скажете, капитан Гейм?

– Это просто немыслимо, – сказал Гейм. – Для того чтобы добиться результатов, о которых они мечтают, надо чтобы в Атлантике круглый год болтались целые эскадры специальных судов с аппаратурой, самолетами. А кто же в Европе и Азии позволит, чтобы мы воевали против них засухой без помех? – летчик насмешливо усмехнулся. – Эти наши секретные диверсии против стран Востока можно ведь также по секрету и ликвидировать. Способов для этого имеется много: авиация, подводные лодки, ракеты... Повторяю, по-моему, затея Боттома обречена на провал.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Гибсон.

В тот же день Гарольд Прайс возвратился на материк. Он был настолько любезен, что захватил с собой и Грина.

Глава одиннадцатая

След от хижины вел к ручью, из которого они обычно брали воду. Вот тут, за огромным валуном, человек некоторое время сидел, то ли отдыхая, то ли чего выжидая, курил. Незнакомец оказался предусмотрительным – окурка не оставил. Однако пепел с сигареты выдал его. Гросс хмуро размышлял. Рассматривая следы, молодой Андерсен заключил:

– Опять он. На этот раз ему удалось подобраться к нам так, что мы его не заметили. Не местный – у нас нет такой обуви.

Утро наступало пасмурное. На вершинах гор огромными лохмотьями висели седые облака, в ущельях клубился туман.

Продолжая идти по следу, Гросс и его спутник миновали заросли можжевельника, перебрались через расселину возле стремительного водопада и вышли на покрытую плоскими, будто отполированными рукой человека, камнями площадку. На гранитных плитах увидеть что-либо было почти невозможно, но наметанный взгляд норвежца все же сумел различить кое-где отпечатки чьих-то подошв, еле заметные кусочки сырой земли и капли непросохшей влаги – незнакомец прошел тут совсем недавно.

– Он торопился, – обеспокоенно сказал Андерсен, и Гросс хорошо понял, что встревожило его молодого друга.

Они подошли к краю площадки; след стал отчетливее, и теперь уже без труда можно было заметить, что вел он в долину. Идти дальше не имело смысла, наоборот, следовало скорее возвратиться назад, туда, к расположенной на склоне скалы старой хижине, в которой находились инженер Можайцев и несколько его друзей.

Герману Гроссу удалось отбить Можайцева у Крюгера и матроса, которые хотели схватить его и доставить на подводную лодку, присланную Карлом Функом. Спасти его Гроссу и Эрике Келлер помог Андерсен, тот самый, на ферму которого они заходили напиться парного молока. Петер Андерсен и два его дюжих сына были активными бойцами движения Сопротивления, сражались в партизанском отряде против гитлеровцев. Петер Андерсен принял в судьбе раненого русского самое сердечное участие: Можайцева надежно спрятали на ферме, старательно лечили, Эрика Келлер не отходила от его постели. А когда он выздоровел – его переправили вот в это глухое горное место и поселили в хижине, служившей когда-то пристанищем Петеру Андерсену и его товарищам по партизанскому отряду. Тут Можайцев имел возможность набираться сил, не боясь быть выслеженным агентами Аллена Харвуда. Нашлись люди, которые по призыву старого Петера взяли Можайцева под надежную охрану: вместе с ним поселились на время его болезни и Герман Гросс и Эрика Келлер. Казалось – все шло как нельзя лучше, можно было подумать о том, чтобы в ближайшие дни покинуть этот пустынный район. Гросс и Эрика неоднократно пробовали заговаривать об этом с Можайцевым, но тот продолжал отмалчиваться. Целыми днями он о чем-то напряженно думал и однажды попросил Гросса послать телеграмму в Париж, инженеру Франсуа Леграну. Телеграмма оказалась явно шифрованной, и Гросс с некоторым беспокойством спросил Можайцева, что за человек этот Легран. Можайцев скупо улыбнулся, – он понял, о чем подумал Гросс: ведь совсем недавно он и Шольца считал своим близким другом.

– Ему можно доверять, – заверил он.

Можайцев рассказал о своей дружбе с Леграном, завязавшейся в Америке, о том, как Легран, молодой и сильный, талантливый инженер и горячей души человек, поверил в творческие замыслы своего русского коллеги, как он проникновенно говорил ему о Родине, России и настойчиво предостерегал не продавать себя Уильяму Прайсу. Не продавать себя Прайсу, – Франсуа Легран богат, ему легко говорить об этом! Но, черт возьми, он был прав. Можайцев поддерживал с ним связь, переписывался, но так, что даже Шольц об этом не знал. Теперь

именно с Леграном Можайцев связывал какие-то свои надежды, о сути которых он предпочитал пока ничего не говорить.

Казалось, все шло как нельзя лучше, но так только казалось... Недавно друзья старого Петера Андерсена сообщили, что в окрестностях появился человек, пытающийся разыгрывать из себя туриста-одиночку. По его осторожным расспросам можно было сделать определенный вывод – он старается нащупать местопребывание Можайцева: делая все сужающиеся круги по придуманному им «туристскому» маршруту, он все больше приближался к тому месту, где находилась хижина. В последние дни он, почти не таясь, шнырял по горам, как заправская ищейка. Гросс не сомневался, что о существовании заброшенного партизанского жилья он уже успел пронюхать и не сегодня-завтра появится где-нибудь в непосредственной близости от него. И все же Гросс просчитался – более строгие меры предосторожности следовало бы принять раньше: минувшей ночью лазутчик, оказывается, подходил к самой хижине. Что он видел и слышал, удалось ли ему убедиться в том, что Можайцев находится здесь? Что это враг – можно было не сомневаться: ведь подобравшись тайком к самой хижине, он предпочел не показываться ее обитателям и еще до рассвета незамеченным возвратиться в долину. Гросс понимал, что сейчас мер пассивной самозащиты уже недостаточно – ему, а может, кому-либо из Андерсенов следовало сегодня же отправиться в долину и постараться узнать об этом человеке какие-то конкретные сведения, возможно, встретиться с ним и определить степень опасности, грозившей Можайцеву.

На совете, состоявшемся тотчас после возвращения Гросса и Андерсена, было решено послать на разведку Эрику; она иногда бывала в горной гостинице, к ее визитам там привыкли, у нее уже имелись там знакомства, которые ей могли пригодиться, к тому же она женщина, и очередное ее появление в долине никого не удивит.

После завтрака Эрика ушла. Она перебралась через скалы и ущелья на восток, вышла к одинокой автобусной станции – до гостиницы было далеко, пешком добираться до нее не имело смысла. Коротая время до прихода рейсового автобуса с севера, Эрика обратила внимание на пожилого, элегантно одетого мужчину, внимательно ее рассматривавшего. По-норвежски он говорил плохо, с сильным акцентом. Судя по выправке, незнакомец был военным.

Часа полтора езды по отличной дороге – и впереди показалась знакомая Эрике гостиница на берегу моря. Отдохнув с дороги, Эрика отправилась на прогулку, она останавливалась с знакомыми и настороженно осматривалась – заинтересовавшего ее человека нигде не было видно, хотя он остановился в этой же гостинице. Он появился лишь к обеду. Поклонившись ей как старой знакомой, по привычке военных поднес ладонь правой руки к виску и представился:

– Гюнтер Курц.

Эрика невинно пробормотала свое имя, разобрать которое можно было бы только чудом, но незнакомец неожиданно широко улыбнулся и протянул ей руку.

– Я хорошо знаю вас, фрейлейн Келлер, – произнес он с наигранной сердечностью. – И очень рад, что мне посчастливилось встретить вас, да еще значительно раньше, чем я рассчитывал. Право, мне повезло.

Эрика насторожилась, – встреча с соотечественником озадачила ее.

– Не помню, чтобы мы когда-нибудь виделись, – произнесла она холодно.

– Тем не менее я знаю вас, – повторил Курц. – Больше того, я намерен обратиться к вам с просьбой.

Эрика пожала плечами. Они прошли в имевшийся при гостинице садик и сели на скамейку.

– Разрешите? – Курц вынул из кармана портсигар, закурил и обернулся к ней: – Вас, без сомнения, обеспокоила обнаруженная слежка за вашим домиком там, на скале?

Вот оно что! Встреча лицом к лицу, кажется, состоялась значительно раньше, чем Эрика и ее друзья предполагали.

– Я вас не понимаю, – произнесла она, нахмурясь.

Курц спокойно посмотрел на нее.

– Сейчас вы все поймете, фрейлейн. Американцы уверены, что это мы увезли тогда инженера Можайцева, вам удалось перехитрить их. Но только их. – Курц произнес эти слова подчеркнуто и снова внимательно взглянул на нее.

– Бодо Крюгер, ваш сосед по столу, жив, и он информировал нас, что ему удалось обмануть Годдарта, убедив его в том, что Можайцев на борту нашей подводной лодки. Но у нас Можайцева нет. Куда же он девался? Бежать не имел возможности – его могли только унести. Кто и куда? Я надеюсь, вы не принимаете нас за абсолютных идиотов, не правда ли? Поскольку предварительная разведка ничего не дала, в Норвегию послали меня, – собеседник Эрики слегка поклонился. – О, Гюнтер Курц кое-что значит, – произнес он самодовольно.

– Да? – Эрика с нескрываемым презрением взглянула на него. – Не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете.

– Немного терпения, фрейлейн, – продолжал Курц, – первое, что я должен был сделать, это установить, где скрывается от нас герр Можайцев, ваш русский друг. Я пустил на это дело моих лучших агентов, и они разыскали его. А заодно и вас.

Эрика хотела вскочить с места, резко запротестовать, но Курц помешал этому – подняв вверх обе руки, шутливо сказал:

– Знаю, знаю, сейчас вы мне скажете, что понятия не имеете ни о каком Можайцеве и так далее, одним словом, все, что полагается говорить в таком случае. Но, поймите, я информирую вас об этом деле вовсе не для того, чтобы получить от вас подтверждение, что Можайцев находится именно там, где он есть, – в хижине на скале, под охраной, это я и без вас знаю. Не верите? Смотрите.

Курц вынул из бокового кармана и бросил Эрике на колени несколько прекрасно выполненных фотоснимков: Можайцев в группе своих друзей, среди которых Эрика увидела и себя. Как им удалось незаметно сделать эти снимки? Точно отвечая на ее вопрос, Курц, продолжая самодовольно улыбаться, пояснил:

– С помощью телеобъектива... С расстояния в три километра... Потом пришлось несколько увеличить, только и всего. Между прочим, такие же точно снимки можно сделать и на расстоянии в десять километров. Техника.

Эрика спокойно повернулась к Курцу, ожидая, что тот скажет дальше. Курц спрятал фотографии.

– Теперь перейдем к той просьбе, с которой я позволю себе обратиться к вам, фрейлейн.

Эрика хранила молчание.

– Прошу вас передать Можайцеву просьбу прибыть сюда, ну, скажем, послезавтра для серьезной беседы, на которую я уполномочен... – Он не договорил, сделав вид, что всецело занят очередной сигаретой.

– Уполномочены – кем? – в упор спросила Эрика.

– Функом... Карлом Функом, – тихо ответил Курц.

– Вряд ли Можайцев придет сюда, думаю, он не захочет разговаривать ни с вами, ни с Карлом Функом, – сказала Эрика.

– Как знать, фрейлейн Келлер, – Курц ухмыльнулся, – во всяком случае, не будем решать за него. Я прошу вас только об одном – передать ему мою просьбу.

– Он не придет, – повторила Эрика, еле сдерживая гнев.

– В таком случае пусть разрешит мне навестить его. О, не беспокойтесь, я не съем вашего Можайцева. Но поймите меня правильно – поручение Карла Функа я обязан выполнить. Дело Можайцева, как отнестись к предложению Функа, – я прошу лишь о том, чтобы он позволил мне повидать его.

– Полагаю, из вашей затеи ничего не выйдет, – сказала Эрика.

На этот раз пришла очередь Курца пожать плечами.

– Поживем – увидим, – философски заметил он при этом. – Давайте договоримся так: если послезавтра в это время Можайцева не будет здесь – на следующий день я отправлюсь к вам сам. Надеюсь, в меня не станут стрелять, не правда ли? Я должен говорить с ним во что бы то ни стало.

– Попробуйте, – неопределенно бросила Эрика.

На этом беседа была окончена. В тот же день Эрика возвратилась к друзьям и рассказала о встрече с Курцем.

Карл Функ! Для Гросса это было полной неожиданностью. Он все время думал об опасности, грозившей Можайцеву со стороны разведки Аллена Харвуда, и не принял в расчет Функа. Наверное, сыграла свою роль уверенность в том, что, имея Шольца, Функу незачем гоняться за Можайцевым, и только теперь новая мысль молнией мелькнула в его мозгу, мысль страшная в своей реальности; завладевший изобретением инженера Можайцева Карл Функ, по-видимому, решил или захватить в свои руки и самого Можайцева, или уничтожить его, чтобы проектами установки не могли воспользоваться другие, будь то Прайс или Советы. А если так, то Можайцеву сейчас угрожала смертельная опасность. Беседа, о которой просил Курц, только разведка, за которой последуют какие-то действия, вплоть до попыток убийства русского инженера, в этом можно было не сомневаться. Как же отнестись к просьбе Курца? Этот вопрос должен решить сам Можайцев.

– Я приму посланца Карла Функа, – сказал Можайцев, выслушав соображения друзей. – Я должен услышать, чего от меня хочет Функ, и постараться выяснить, как обстоит с осуществлением его замыслов, ради которых он завладел технической документацией аппаратов «М-1».

– Вы хотите выиграть время? – задал вопрос Гросс встревоженно.

– Отчасти, только отчасти. Друзья мои, с самого начала, как только я пришел в сознание, я понял – Функ пустит по моему следу ищек, он боится, что я восстановлю документы и выйду из его рук страшное оружие. Поэтому все, о чем болтал Гюнтер Курц, только увертюра. Поскольку они не сомневаются, что любое предложение Функа я отклоню, ясно, что разыскивали они меня вовсе не для того, чтобы вести со мной переговоры, наверняка приняты меры к тому, чтобы после получения отказа уничтожить меня.

– Мы защитим вас, – твердо произнес Петер Андерсен.

– Не сомневаюсь в вас, но не имею права подвергать опасности и вашу жизнь.

– Вы хотите капитулировать перед угрозами Функа? – с негодованием спросил старик.

– Нет, ни за что! – горячо заверил Можайцев. – Я своевременно подумал об опасности, в которой очутились ныне мы все. Вы помните о телеграмме, которую я посылал в Париж? Не так давно вы, дорогой Петер Андерсен, доставили мне ответ. Вот он, – Можайцев вынул из кармана бланк телеграммы. – Скоро сюда прибудет мой друг Легран, я исчезну с ним, на его яхте... Прошу вас, друг мой, – обратился Можайцев к молодому Андерсену, – помочь мне добраться вот до этого пункта на побережье, – он показал на карте, – там мы встретим Франсуа Леграна – и я вне опасности. Хотя бы на некоторое время.

– Но Легран может опоздать, – заметил Гросс.

– На один день, не больше, он любит точность и к тому же понимает, в каком положении я нахожусь. Легран не допустит, чтобы я попал в лапы Прайса или Функа. Я хотел уйти к побережью раньше, но когда обнаружилось, что за нами следят, – уходить было нельзя, – этим я мог бы лишь заранее привлечь внимание агентов Функа к приходу яхты. Я могу отправиться в условленное место только после встречи с Курцем.

– Они не потеряют этот день, – бросила Эрика. – Я в этом уверена.

Гросс обратился к Петеру Андерсену:

– Нет ли тут где-нибудь неподалеку места, куда мы могли бы переселиться тотчас после ухода отсюда Гюнтера Курца? Переселиться надо будет немедленно, – подчеркнул он. – Курц с

удовольствием ликвидировал бы нас всех, и он без колебания даст приказ своей банде напасть на эту хижину.

– Вот что, – задумчиво произнес старик. – Есть тут одна пещера, партизаны пользовались ею. Но до нее отсюда не менее шести километров, – он с сомнением посмотрел на Можайцева.

– Дойду, – заверил его Можайцев и добавил: – Подготовкой к переходу займемся ночью: можно не сомневаться, что с помощью телеобъективов и стереотруб наблюдение за нами продолжается непрерывно.

– Правильно, – согласился Гросс.

На этом и порешили.

Можайцев лежал в постели. Бинты с головы не были еще сняты, лицо инженера казалось бескровным. Гюнтер Курц вежливо осведомился:

– Как вы себя чувствуете, герр Можайцев?

– Нахожу ваш вопрос бестактным, – заметил Можайцев, – Карл Функ, наверное, наказал своих людей за то, что они не сумели убить меня и тем самым причинили ему хлопоты... понадобилось искать меня, посылать сюда вас...

– О, от нас скрыться невозможно. Мы вас и под землей найдем.

– К делу! – резко сказал Можайцев. – Пока что вам хвастать нечем, и вы, Курц, это отлично понимаете. Не правда ли? Чего хочет от меня Функ?

– Чтобы вы поступили к нему на службу.

– Что я должен буду делать у него?

– Заниматься изобретенными вами установками.

– Как это понять?

– Вы займетесь монтажом и размещением их... – Курц замялся.

– Где, в Западной Германии? – быстро спросил Можайцев.

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– В таком случае беседу придется прервать. Вы явились ко мне с предложением Карла Функа? Так открывайте карты до конца – я хочу знать все, что имеет отношение к сделанному мне предложению. Итак?

– Это логично, – сказал Курц не очень уверенно. – Работать вам придется не в Германии.

– Я так и думал. – Можайцев откинулся на подушках. – Теперь начинайте прельщать меня. Я имею в виду не деньги, они для меня не представляют ценности, вы должны знать это от Шольца.

– Да, да, конечно, – деловито заговорил Курц. – Я вас понимаю. Вы из ошибочных расчетов едва не погубили себя. Я говорю не о происшествии на берегу моря, там, у гостиницы, нет, нет. В вас проснулась... как это, тоска по родине, и вы очертя голову решили передать большевикам свое изобретение.

– Прекратите, – резко перебил Можайцев. – Нельзя ли ближе к делу, из-за которого вы явились ко мне.

– Слушаюсь. – Курц смущенно улыбнулся. – Вы очень любите Советы...

Можайцев снова перебил его:

– И ненавижу германских авантюристов. Я изучал историю: вас, немцев, бил нещадно еще Александр Невский. Во-он когда это было! Однако вы снова и снова лезли на Русскую землю, лезли в любую щель. Вы захватили в России фабрики, заводы, шахты, прекрасные угодья на Волге и Днепре, ваши люди уселись у трона, командовали нашими армиями, были губернаторами и академиками – душили все русское, душили и грабили. Из фатерланда на восток пробирались всё новые авантюристы. У вас на мою родину стали смотреть как на колонию, как на «жизненное пространство»! – в голосе инженера послышалось озлобление. – Вы вообразили себя умнее русских, а о других народах России и говорить нечего – для вас они просто недо-

человеки. Но пришли к власти большевики, Советы – и все пошло по-иному. Однако вы не понимаетесь, продолжаете нахально лезть на восток. Вас разбили в восемнадцатом году, расстрепали в годы интервенции, расколошматили, когда Гитлер осмелился напасть на Советский Союз в сорок первом. Черт возьми! Почему ничто на вас не действует? Кстати, герр Курц, кем вы были при Гитлере?

– Служил в главном управлении службы безопасности СД, – сухо ответил немец.

– Гестаповец! Понятно – теперь вы доверенное лицо Карла Функа. А я – русский. Вы хотите, чтобы я помог вам подготовить войну против моей родины?

Курц с непроницаемым лицом взглянул на собеседника.

– К сожалению, вы заблуждаетесь, – заговорил он. – Герр Функ предлагает вам заниматься исключительно вашими установками, которые он не собирается использовать против вашей родины.

– Слово Функа для меня не имеет значения, – сказал Можайцев с презрением. – Но вы, кажется, хотели в чем-то убедить меня. – Он вскинул глаза на Курца. – Я вас слушаю. И покороче – по милости Функа я еще не совсем здоров, как видите.

– Мне поручено передать вам, что, отклонив предложение Карла Функа, вы совершите непоправимую ошибку. Нет, нет, я не беру на себя смелость поучать вас – человека, которого мы считаем гениальным и который к тому же ненавидит нас, – Курц криво усмехнулся. – Я просто передам вам то, что мне поручено Функом. Это займет две минуты. Разрешите?

Можайцев кивнул.

– Постарайтесь не перебивать меня. Еще четверть века назад в Европе существовал «новый порядок», установленный Гитлером в побежденных странах. Не будем скрывать правды – Советская армия разбила нас, – вы совершенно правы. Но не торжествуйте! Поймите ход истории: Советская армия освободила от оккупации страны Европы, захваченные Гитлером. Однако всего через несколько лет после капитуляции мы снова заняли важные позиции в этих странах и, заметьте, без войны, которую пришлось вести Гитлеру, без единого выстрела. Мы создали большую армию, не сомневаемся, что наши американские и английские друзья в нужный момент дадут нам ракетное и ядерное оружие. Согласен с вами, – Курц вежливо усмехнулся, – можно удивляться, как это наши бывшие враги, а ваши союзники по войне с нами, вообще идут на риск, вооружая нас, но история повторяется – только и всего, герр Можайцев. – Можайцев упорно молчал. – Они вооружали нас раньше, при Гитлере, а потом не ладили с ним, и нам пришлось бомбить Лондон, топить американские пароходы... Что будет через несколько лет – не будем гадать, но ведь это факт, что мы получили базы для бундесвера во многих странах и ввели на них своих солдат. Наши дивизии снова отправились в Италию, Испанию, Грецию, мы получили базы даже в Англии. Наш генерал уже командует армией Западной Европы, генералы Гитлера являются помощниками американского главнокомандующего войск НАТО, наш военно-морской флот снова расположился в Дании, Норвегии. Вы умный человек и, конечно, не строите иллюзий – мы: Функ, Крупп, «Фарбениндустри», генералы вермахта – остались прежними.

– Теми самыми, что установили в Европе рабство, торговали европейцами как скотом, бросали их в концлагеря, живьем сжигали в крематориях, душили газами, не щадили ни детей, ни стариков... – гневно бросил Можайцев.

– Да, – Курц спокойно посмотрел на инженера. – Отрицать нет смысла, да и нет, кажется, необходимости. Все это так: мы душили, травили, сжигали, убивали, насиловали... Но разве все это не известно тем, кто ныне снова вооружает нас, или тем, кто снова пускает нас на свою территорию? А мы прежние! Вы понимаете меня, герр Можайцев?

– «Новый порядок»? Снова? История повторяется?

– Не смейтесь... Чего же от нас хотят, вооружая нас, впуская нас в свой дом? – Курц пожал плечами. – В день «икс» мы повторим, правда, несколько на иной лад, то, с чего мы начали в тридцать девятом году.

– И снова аресты, тюрьмы, расстрелы заложников, истребление неугодных?

– Да, – сказал Курц. – История повторяется. Стратегическое положение ряда стран таково, что при современной военной технике воевать им нельзя – война для них была бы самоубийством.

– А потом опять на восток? – насмешливо осведомился Можайцев.

Курц развел руками:

– Возможно, но до этого у нас все-таки будет много дел в Западной Европе, надо будет отделаться от американцев.

– Я, должно быть, начинаю понимать Функа: он предлагает мне заблаговременно примкнуть к лагерю завтрашних победителей, – насмешливо произнес Можайцев. – Так или нет?

– Вы поняли правильно, – подтвердил Курц. – Что же вы ответите Карлу Функу?

– Передайте ему, что история повторяется не всегда: если после поражения Германии в прошлой войне его не повесили, то после неизбежного разгрома в будущей – петли ему не миновать, – заговорил Можайцев. – Но, возможно, Функу не удастся дожить до новой авантюры – я постараюсь прервать его существование, – Курц в изумлении вскинул на него глаза. – Не удивляйтесь, – спокойно заметил инженер, – увы, всемогущие функи – смертны, не правда ли? Я этим воспользуюсь. Кажется, я теперь знаю, с чего начинать. Не подумайте, что я хвастаю. Функ не просто обокрал меня, он украл у меня плоды трудов моих и преградил мне путь на Родину. Что же мне делать? Служить ему? Зачем? Я много думал, передайте это ему... Я знал, что он рано или поздно разыщет меня, знал все, что может произойти со мной. И я решил повести против него борьбу, всеми средствами. Курц, смотрите на меня внимательно: я говорю об этом вполне серьезно, Шольц может засвидетельствовать, я слов на ветер не бросаю. Шольц – предатель и негодяй, я уничтожу и его. Функу война со мной обойдется дорого. А теперь уходите, Курц, я устал.

Кивнув, немец по-военному повернулся и покинул хижину. Курц шел по склону нестигающимися ногами и старался осмыслить то, что ему только что сказал этот странный русский инженер: он объявил войну Карлу Функу! И ведь при всем том – нормальный и, как утверждает Шольц, весьма серьезный человек. Но бороться с Функом ему не придется – при этом Курц не мог не усмехнуться – он со своей стороны примет кое-какие меры, после которых у Функа одним врагом будет меньше.

Как только стемнело, Можайцев, поддерживаемый друзьями, направился к пещере старика Андерсена. Шли по ущельям и кручам. Пещера оказалась открытой почти на самой вершине нависшей над фиордом скалы. Глубоко внизу под лунным светом искрились будто позолоченные воды извилистого залива, серые прибрежные горы, безлесные, угрюмые. Можайцев с нетерпением смотрел в сторону моря – оттуда должна появиться яхта Леграна.

Ночь прошла спокойно. Гросс почти до утра просидел с Можайцевым, – он убеждал его, не откладывая, уехать в Советский Союз. Но Можайцев возражал: что скажет он о себе там, на Родине? Что он дал в руки врага Советского Союза оружие, которое тот может направить против ненавистных ему русских? Конечно, он, Можайцев, может засесть за работу и восстановить чертежи, расчеты, но на это уйдет уйма времени, и к тому же главное сейчас вовсе не в документации, а в том, чтобы выбить опасное оружие из рук Карла Функа, – это надо сделать в первую очередь, именно этим и займется он с помощью Франсуа Леграна.

Под утро Гросс и Эрика вернулись в хижину на скале: у людей Гюнтера Курца не должно возникнуть подозрения в том, что Можайцев ускользнул от них. До появления Франсуа Леграна необходимо выиграть время. Вечером они снова вернулись к пещере. Можайцев

собирался уходить. Возле него стоял Франсуа Легран. Среднего роста, стройный, подвижный человек с открытым лицом. Его встретил и привел сюда младший из сыновей Петера Андерсена.

Можайцев сердечно распрощался с теми, кто спас ему жизнь; крепко пожал руку Эрике, обнялся с Гроссом и в сопровождении младшего Андерсена ушел к фиорду. Там его ожидала яхта.

Прошло часа три. Ветер постепенно усиливался. По небу мчались рваные лохмотья облаков, то и дело закрывая луну. Уродливые призрачные тени скользили по вершинам гор.

Вернулся провожатый и сообщил, что все обошлось без приключений.

Неожиданно послышался шум мотора вверх, высоко за облаками. Самолеты прошли почти над их головами и повернули на восток. Что это значит? Неужели?.. Но гадать было ни к чему: пробив облака, над землей повисла сброшенная на парашюте «люстра», ярко осветившая все вокруг. И хотя до того места, над которым висела «люстра», от пещеры было сравнительно далеко, друзья безошибочно определили – в центре освещенного круга сейчас находилась хижина, в которой они еще недавно обитали.

Послышался рев ракет, и тотчас загремели взрывы. Стиснув руки, Гросс не отрывал взгляда от места, где только что находилась хижина – самолеты уничтожили ее ракетами. Так вот какие еще полномочия от Функа имел бывший эсэсовец Гюнтер Курц! Он, должно быть, боялся, что при нападении на хижину его людей с обычным огнестрельным оружием Можайцеву посчастливится в темноте ускользнуть, – а тут – дело верное. Теперь Курц доложит, что все в порядке, Можайцев уничтожен вместе с его друзьями.

Глава двенадцатая

В Комитете государственной безопасности ни на минуту не забывали о человеке, провавшемся через границу на нашу территорию в районе Пореченска, однако самые тщательные поиски его пока что результатов не дали.

Перед чекистами Пореченска была поставлена боевая задача – во что бы то ни стало найти «окно», через которое несомненно проник на нашу землю и убийца женщины в ватнике, личность которой с помощью польских товарищей без труда удалось установить. Каким же образом смог он проникнуть к нам через Буг? Казалось, пробраться на территорию Советского Союза в районе Пореченска можно было лишь или незаметно для советских и польских пограничников переправившись через неширокий здесь Буг, или, приехав с Запада по железной дороге, обманув бдительность пограничников. Однако в данном случае возможность переброски агентов иностранной разведки непосредственно по железной дороге, по-видимому, отпадала: убитая диверсантом женщина была одета так, что не могла бы не привлечь к себе внимания. К тому же при ней имелся автомат. Нет, не по железной дороге попала она к нам. Пограничники же, в свою очередь, заверяли, что переплыть реку незамеченным вражеский агент не мог: дозоры и наряды пограничников бдительно несут службу по охране границы, да и самые тщательные поиски вдоль нашего берега Буга ничего не дали – следов не оказалось. Так откуда же агент иностранной разведки пробрался в лес, где его заметил лейтенант Пинчук, – с неба? Но ни в ту ночь, ни в предыдущие появления неизвестных самолетов над нашей территорией не отмечалось. И все-таки факт оставался фактом – чужие люди проникли на советскую землю, и именно в районе Пореченска. Каким же образом? Пограничники пытались пройти по предполагаемому следу, однако это ни к чему не привело: ясно различимых на местности следов было обнаружено не так уж много, а собака оказалась бесполезной – обувь нарушителей границы, видимо, была обработана химикалиями. Так поиски вроде бы зашли в тупик. Генерал Тарханов решил послать в Пореченск одного из своих офицеров. Выбор Тарханова пал на капитана Пчелина.

Среднего роста, крепкого сложения, кареглазый, русоволосый молодой человек, Пчелин сравнительно немного еще прослужил в КГБ. Он пришел в органы сразу же после окончания вуза с мечтами, свойственными хорошим юношам, желая всего себя отдать делу борьбы с врагами Родины, с пламенной любовью к заветам Дзержинского, понимая требования, которые предъявляются к службе государственной безопасности. Было в Пчелине то, что особенно нравилось генералу Тарханову в его сотрудниках: наряду с высокой бдительностью и способностями контрразведчика крепко развитое чувство заботы о советском человеке, гуманность и органический дар воспитателя. Чекист-воспитатель! Человек, призванный не только карать, но и заниматься «профилактикой», заботливо предупреждать некоторых неопытных и чрезмерно наивных советских людей о грозящей им опасности попасть в лапы замаскировавшихся иностранных шпионов. Не всегда нужно ждать, пока человек незаметно для себя окончательно запутается и попадет в хитро расставленные вражеские сети, порой имеется возможность вовремя вмешаться в развитие событий и спасти человека от гибели, позора и преступлений. Пчелин был горячим сторонником такой «профилактики». Но не только это определило в данном случае выбор генерала Тарханова, – в молодом чекисте имелись как раз те качества, которые при выполнении предстоящего задания могли весьма пригодиться: отличался он наблюдательностью, терпением и склонностью к анализу, которую его товарищи по работе иногда дружески вышучивали как неуместную тягу к «философствованию».

Поезд из Москвы, с которым Пчелин приехал в Пореченск, прибыл туда утром. Пчелин погулял по вокзалу, посидел некоторое время в ресторане, прошел в помещение, где таможенники привычно быстро проводили досмотр багажа, полистал книги, продававшиеся в киоске,

походил, послушал и лишь потом отправился по адресу, полученному им в Москве. Инструкция генерала Тарханова была абсолютно ясной: вести жизнь частного лица, не контактировать с работниками госбезопасности, в случае нужды установить связь лишь с майором Тороповым, наблюдения и поиски вести скрытно, аккуратно, чтобы никому это не бросалось в глаза. Дело в том, что генерал Тарханов хотел не только найти лазейку на границе, но и не разглашать факт обнаружения этой лазейки. Никакого шума! Пчелин отлично понимал, что старший его начальник тайне установления маршрута вражеского лазутчика придает исключительное значение, связывая с ее соблюдением какие-то свои оперативные планы.

Городок оказался небольшим. Домик, в котором поселился Пчелин, прятался за густо заросшим палисадником.

Так начались оперативные будни Пчелина в Пореченске. Пчелин снова и снова размышлял над планом своих действий, стараясь найти в нем изъян. Но нет, каждый раз он был вынужден приходиться к заключению, что все правильно: «окно», через которое с той стороны, из-за кордона, к нам пришел вражеский лазутчик, по всей видимости, должно находиться именно в самом Пореченске, где-то вот тут, поблизости от Пчелина, и все дело только в том, что он не в состоянии обнаружить тщательно оберегаемый иностранной разведкой заветный «лаз» через нашу границу. Уверенность в этом крепла в Пчелине с каждым днем. Почему? Потому, что только такой вывод объяснял то, что казалось необъяснимым: враг ухитрился проникнуть к нам, а пограничники не засекли его при переправе через реку. Еще не отдавая себе отчета в том, каким может быть характер шпионского маршрута, Пчелин тем не менее был убежден, что предчувствие не обманывает его. Предчувствие основывалось на фактах, на анализе их: вдоль границы, по берегам Буга проходит линия бдительности – с той стороны пограничники Народной Польши, с этой – советские пограничники. Прибытие агента, обнаруженного Пинчуком с женщиной-проводником в лесу, по железной дороге исключено. Стало быть, он появился сначала где-то вот тут, в самом городе, на возможность чего до сих пор не обращалось внимания, поскольку такая версия считалась невероятной.

Прежде чем ответить на вопрос, *как* агенты иностранной разведки могли появиться в Пореченске, Пчелин задался другим вопросом, представлявшимся ему более важным, – *где* они могли появиться, у кого. Заманчивой для любого разведчика в подобных случаях может быть окраина городка, – тут и тише, малолюднее, и ближе «до лясу», легче уйти дальше, не обратив на себя внимания. Пчелин внимательно изучал и самые окраины Пореченска, и людей, населяющих их, – это были в большинстве рабочие депо и различных предприятий, знающие друг друга в лицо, вместе или работающие, или проводящие досуг, заметившие бы любого чужака, появившегося неожиданно среди них. Нет, окраины отпадали. Круг сужался, и сужался к центру, туда, где за палисадниками прятались домики частных владельцев, туда, где сгрудились церкви и костелы, где всего гуще было «забегаловок» с продажей водки из-под прилавка, со случайными, порой никому не ведомыми посетителями.

Прошла еще неделя. Пчелин не переставал надеяться. Но следует признать – эти три недели ожидания, разочарований не прошли для него даром, все в нем было напряжено до предела. И наконец настало время познакомиться с какими-то фактами местной жизни, которые могли бы быть полезны в поисках. Пчелин позвонил в областное управление государственной безопасности.

Майор Торопов оказался человеком лет тридцати пяти. Спокойный, широкоплечий, с седой прядью волос, падавшей на лоб, он заполнил собой небольшую комнатку, в которой обретался Пчелин. Пришел он рано утром, как об этом и просил капитан. Выслушав Пчелина, Торопов задумался...

Где? У кого? Кто знает что-нибудь об этом проклятом «окне»? Действительно, задача не из легких. И вдруг, уже готовясь уходить, Торопов спохватился и рассказал об одном уго-

ловном деле, о котором пока никто в городе и не подозревал. Не так давно скоропостижно скончался сторож одного из костелов, человек фанатично религиозный. Похоронили. А вскоре после этого следователь городской прокуратуры пришел к начальству и сообщил о возникших у него подозрениях. Дело в том, что как раз накануне смерти приходил тот гражданин в горпрокуратуру, несмело пытался с кем-нибудь поговорить, потом, видимо, раздумал и ушел. Подозрение следователя решено было проверить. Приняли меры... Одним словом, подтвердилось – умер сторож от отравления синильной кислотой. Сам ли решил покончить расчеты с жизнью или угостил его кто – еще не выяснено. Да и самый факт известен лишь следователю да прокурору. Жил сторож замкнуто, одиноко. Есть у него дочка, но она живет у дальних родственников в Минске, учится там в техникуме.

В тот же день капитан Пчелин наведлся в прокуратуру. Листал тощую папку – «дело». В «деле» лежало всего несколько бумажек. Пчелин слушал... Проверка возникшего подозрения была произведена органами прокуратуры тайком, так, чтобы никто, в частности церковные деятели, ничего не знали. Подозрение действительно подтвердилось, однако следствие не движется: кого допрашивать-то? Врагов у человека не было, ни ссор, ни свар не замечено. Его непосредственный, так сказать, начальник ксендз Чонка относился к нему как к родному, и это известно. Кого же подозревать? А что, если сторож по какой-то не выясненной пока причине сам отравился, по собственной воле или случайно? Опять же шум получится ни к чему, только ославишь человека. Вместо пользы один вред получится.

Доводы следователя Пчелин слушал без особого внимания: своей убедительностью они лишали это событие всякого интереса для него. И вдруг он почувствовал знакомое, еще не осознанное волнение – зарождалась страшно важная мысль. Какая? Стараясь не терять спокойствия, он вежливо взял из рук следователя «дело» и принялся перечитывать подшитые в нем документы.

Новое свидание с майором Тороповым состоялось в тот же день. На этот раз говорил Пчелин.

Из того, что он видел и слышал в городской прокуратуре, можно сделать совершенно определенные выводы... Оказалось: сторож костела скончался как раз на следующий день после того, как в двадцати километрах от Пореченска, в лесу была найдена пограничниками неизвестная женщина с немецким автоматом и обнаружен другой вражеский агент, сумевший скрыться. Простое совпадение? К сожалению, в областном управлении государственной безопасности на это обстоятельство не обратили внимания. Что же делать теперь? Пчелин предупредил: никакого шума поднимать не следует, таково указание генерала Тарханова.

Район наблюдений после этого открытия значительно сократился. Костел, буйно заросший парк за ним; в глубине парка, ближе к реке, заброшенная часовня... Пчелин инстинктивно чувствовал – именно здесь где-то лежит разгадка тайны «окна»! Нет, сказать, что он был осознанно уверен в этом, нельзя, капитан боялся увлечься призрачной надеждой, но что-то подсознательное говорило ему, что гибель сторожа костела имеет непосредственное отношение к его заданию. К тому же у него никакой иной зацепки и не было.

Однажды он довольно поздно задержался в старом парке, неподалеку от костела. Солнце уже скрылось за ветлами над Бугом, склонилось к закату. Задержался Пчелин не случайно. Скрытый кустами жимолости, он примостился на камне и внимательно смотрел на девушку, которую ранее здесь не встречал. Она сидела на скамеечке скорбная, печальная, погруженная в размышления и, казалось, ничего вокруг не замечала. Видимо, большое и еще не угасшее горе угнетало ее. Пчелин обратил внимание на такую особенность в ее поведении: она не столько плакала, сколько о чем-то размышляла, и на лице ее капитан без труда отметил растерянность, испуг, гнев, попеременно искажавшие черты. Создавалось впечатление, что она силится решить нечто жизненно важное для нее, сопряженное с чем-то невероятно трудным.

Пчелин был от природы человеком душевным, – отчаяние незнакомки он почувствовал остро и, не зная, как и чем помочь ей, продолжал внимательно и с сочувствием наблюдать за ней.

Стало уже темно. Смутно белело платье девушки. Удивительно – и как это она не боится так поздно оставаться в столь неподходящем для нее месте.

Ничто не нарушало тут покоя, тишины. Пчелин продолжал выжидать, у него даже возникла тревога за юную незнакомку – все-таки одна, время уже не раннее... Сколько так прошло времени, он не знал. Неожиданно вдали послышались шаги, кто-то твердо, уверенно шел сюда по посыпанной песком дорожке. Вот грузная фигура мужчины в сутане проскользнула мимо Пчелина и остановилась. Пришедший заговорил, судя по тону – он что-то выговаривал девушке, – та еле слышно отвечала, и хотя обращалась она к пришедшему, как обращаются к священнику, почтения в ее голосе Пчелин не уловил, наоборот, она пыталась упрямо, с ожесточением в чем-то возражать тому, кого называла «святым отцом». Мужской голос, такой приторно-ласковый, полный увещательных интонаций вначале, постепенно становился все менее любезным, а затем стал явно угрожающим. Теперь уже Пчелину удалось кое-что услышать. Ксендз решительно потребовал от девушки немедленно идти домой, прибавив при этом, что ее визиты сюда ему нежелательны, они могут обратить на себя внимание «недостойных в мире сем», вызвать кривотолки и посеять семена недоверия и подозрения к святой церкви римско-католической, чего он, духовник Ванды, не может допустить. Ксендз почти силой стащил девушку со скамейки и заставил покинуть «пристанище скорби», даже проводив ее немного. Они прошли мимо Пчелина. Капитан уже собирался подняться и последовать за ними, как ксендз неожиданно остановился в нескольких шагах от него, – дальше Ванда пошла одна, и скоро шаги ее замерли в отдалении. Ксендз, видимо, никак не мог успокоиться. «Дрянная девчонка! – прошипел он ей вслед. – Я сломя твое упрямство... Недолго тебе бегать сюда, бросать тень на меня...» Человек в сутане повернулся и медленно направился в глубь парка.

Пчелин решил проследить за девушкой, поспешно направился к воротам кладбища, надеясь еще раз увидеть Ванду. Он успел приблизиться к воротам вовремя: погруженная в свои невеселые думы, девушка оказалась в калитке. Пчелин ожидал, что вот сейчас она свернет в одну из ближайших улиц, но он ошибся. Ванда повернула к костелу. Пчелин незаметно последовал за ней. Девушка подошла к имевшейся при костеле пристройке, открыла ключом дверь и вошла внутрь. Стало быть, она жила тут, в домике, в котором обычно проживают сторожа, звонари. По-видимому, она имела какое-то отношение к костелу. Ванда, Ванда... Пчелин понял: стало быть, его неправильно информировали, дочь погибшего сторожа этого костела сейчас не в Минске, а здесь, – это она, Ванда... Та-ак... За что же ксендз, наверное, это и был Чонка, так ненавидит дочь человека, который еще недавно был его преданным слугой, чего он боится, что значат его угрозы, и вообще – почему он так боится каких-то подозрений, могущих почему-то пасть на него, служителя католической церкви, в связи со смертью отца Ванды?

Уснуть в ту ночь ему не удалось. События разворачивались не в том плане, в каком они рисовались ему ранее. В самом деле, разыскивая «окно» и сужая круг изучаемой местности, он стремился выявить людей, у которых могли в первую очередь появиться пришельцы из-за кордона, места, где они могли появиться. Однако вопрос, ранее оставленный Пчелиным на втором плане, – как, каким образом и маршрутом пробрались иностранные агенты к нам из-за кордона, из-за Буга, теперь приобретал большую важность.

Перебирая в памяти подробности встречи с ксендзом, Пчелин пытался понять, почему беседа с Вандой привела того в ярость. Вспоминая разговор Чонки с Вандой, капитан, казалось ему, раскрыл секрет его гнева: девушка что-то подозревает, возможно, не верит в естественную смерть отца. Чонка пытается убедить Ванду в том, что отец ее «почил в бозе по воле Всевышнего», «Бог дал – Бог взял». Но у Ванды, по-видимому, есть причины относиться с недоверием к заверениям ксендза. Поведение Ванды напугало и взбесило Чонку. Он явно потерял власть над собой. Что все-таки означают его слова, брошенные им после ухода Ванды? Пустая угроза

раздраженного человека? Пожалуй, нет, не того сорта угроза-то, слишком серьезная. Проболтался? Кто же станет вслух говорить о своих замыслах подобного рода? А чего ему, собственно, было остерегаться? Ведь он на все сто процентов был уверен, что поблизости никого нет, кто же пойдет вечером на кладбище? Для прогулок место и время неподходящее, догадаться же, что следует опасаться специально приехавшего из Москвы некоего Пчелина, – ему, конечно, и в голову прийти не могло. Да и кто бы на его месте додумался до такого? Никто.

Отец Ванды умер от яда, а это обстоятельство в совокупности с брошенной ксендзом угрозой по-новому освещает фигуру Чонки.

Но если дело обстоит так, как оно сейчас рисуется капитану, то девушке грозит серьезная опасность. Ванду надо спасти во что бы то ни стало. Но как это сделать, не демаскируя себя? Как ему вмешаться в судьбу Ванды так, чтобы это не помешало выполнению приказа генерала Тарханова? Вмешайся Пчелин в судьбу Ванды неосторожно, с излишней поспешностью, и Чонка сумеет обнаружить его. Не следует упускать из виду – сама-то Ванда, вероятно, и не подозревает, какая угроза нависла над ней. А кто такой Чонка? Ныне это отнюдь не праздный вопрос.

И дальше, размышлял Пчелин, если Чонка как-то связан с тайной тропой, по которой к нам приходят из-за кордона иностранные лазутчики, то почему бы не предположить, что среди людей, проживающих неподалеку от костела, должен быть кто-то видевший непрошенных гостей.

Пчелину казалось, что найди он таких свидетелей-очевидцев – задача его значительно упростится. А раз так, значит, надо завести знакомство с кем-то из горожан, соседей Чонки.

Однако решение вопроса пришло с иной стороны и оттуда, откуда он меньше всего ожидал.

Совершая прогулки к Бугу, Пчелин всякий раз обращал внимание на прилепившийся на склоне холма домик, окруженный маленьким вишневым садиком и несколькими яблонями. Хозяйкой домика была старушка, которую почему-то называли юродивой. Никто ничего толком не знал о ней, жила она обособленно, дружбы ни с кем не водила. Вот эту-то старушку и встретил капитан в то памятное утро, после бессонной ночи, проведенной им в размышлениях. Высокая, худощавая, благообразно седая женщина вовсе не показалась ему юродивой. Совсем наоборот. Узнав, что ее собеседник приезжий, она любезно объяснила ему, как пройти на интересующую его улицу. Пчелин умел заводить знакомства. Вскоре он уже знал: она уроженка этого городка, вышла замуж за дворянина, офицера царской армии. Муж ее дослужился до воинского звания полковника, одно время числился в свите великого князя Николая Николаевича, но – увы! – судьба – из Петрограда пришлось отправиться за западную окраину России, где при подавлении очередного восстания он был убит. Оставшись вдовой, женщина приехала в родной городок, поселилась вот в этом жилище, и с тех пор жизнь пошла мимо нее, стороной... Произошла революция, прокатилась Гражданская война, прогремела Великая Отечественная война, а она ни о чем не хотела знать, растила вишни и любовалась цветами, в изобилии росшими на склоне холма. Долгими часами могла она сидеть на одном месте, углубившись в свои думы. Она упорно ничего, желала знать о жизни, бушующей за ее окном, жила воспоминаниями далекого счастья короткой молодости в любви, в блеске петроградских дворцов. Впрочем, она любила Пореченск, ставший ее прибежищем в годы одиночества, внутренней опустошенности и нужды.

– Я жила во-он в том замке, – говорила она, протягивая руку на запад, туда, где на польском берегу Буга Пчелин без труда мог разглядеть развалины старинного замка. – Мы, девочки, любили прибегать сюда, на этот холм, – она показывала капитану на с в о й холм, с крошечным домиком и вишневым садиком. – Здесь всегда было прелестно.

– Позвольте, как же это вы могли с той стороны Буга прибегать сюда? – с сомнением в голосе поинтересовался Пчелин. Он сделал вид, что никак не может поверить этой женщине:

река же широкая, а мост через нее, через реку-то, построили, помнится, только в прошлом году, да и мост-то через Буг – совсем в другой стороне отсюда.

– А мы туннелем, – пояснила старушка сурово, ее обидело недоверие собеседника. – Под Бугом есть подземный ход из замка...

– Туннель?

Женщина неожиданно замаялась, казалось, она пожалела, что проговорила.

– Нет, нет, никакого туннеля нет, – торопливо заговорила она. – Подземный ход существовал много лет тому назад, теперь его нет. Он весь обвалился уже тогда, когда мы, девочки, я и графиня, бегали сюда, мы еле пробирались им, а ведь с того времени прошло почти шестьдесят лет.

– Возможно, возможно, – охотно согласился Пчелин, – и где же вы выбирались из туннеля на этой стороне реки?

С женщиной что-то случилось. Или она действительно была все-таки не всегда в полном рассудке, или просто захотела уклониться от дальнейших расспросов Пчелина, судить трудно, только она неожиданно уставилась взглядом в одну точку и что-то зашептала. Капитан прислушался. С трудом ему удалось расслышать: «Черный крест... Черный крест... Это он покарал моего любимого». Шепот смолк. Старуха сидела низко опустив голову и, казалось, забыла о Пчелине. Подождав немного, он все-таки спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.